

ՀՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
Հ. ԱՃԱՌՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԼԵԶՎԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

ՍՈՒՍԱՆՆԱ ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ

ՔԵՐԱԿԱՆԱԿԱՆ ՀԱՐՑԵՐԸ
ԳՐԻԳՈՐ ՏԱԹԵՎԱՑՈՒ
ԱՇԽԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ

ԵՐԵՎԱՆ
ՀՀ ԳԱՍ «ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆ» ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
2016

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РА
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА ИМ. Р. АЧАРЯНА**

СУСАННА ГРИГОРЯН

**ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ
В ТРУДАХ
ГРИГОРА ТАТЕВАЦИ**

Ереван
Издательство "Гитутюн" НАН РА
2016

УДК 811.19'36:81'04
ББК 81.2 Арм-2
Г 835

Печатается по решению Ученого совета
Института языка им. Р.Ачаряна НАН РА

Под редакцией кандидата богословия
Гевонда вардапетя Оганесяна

Рецензент
доктор философских наук, профессор
К. А. Мирумян

Григорян С.М.

Г 835 Вопросы грамматики в трудах Григора Татеваци, Ер.; Изд-во “Гитутюн”, 2016, 128с.

В работе всесторонне изучены и представлены грамматические взгляды великого армянского мыслителя XIV–XV вв. Григора Татеваци в контексте развития средневековой армянской грамматической мысли. Богатое научно-литературное наследие Татеваци позволяет говорить о нем не только как о выдающемся философе, педагоге, теоретике “искусства письма”, экономисте, но и как о грамматике. Книга адресована научным сотрудникам, аспирантам и всем тем, кто интересуется проблемами армянской средневековой грамматики и культурой.

ISBN 978-5-8080-1241-7
© С.М. Григорян, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Григор Татеваци — один из крупнейших средневековых армянских мыслителей и ученых. Его богатое и многогранное письменное наследие привлекало и продолжает привлекать внимание многочисленных исследователей (Г. Алишан, М. Орманян, Г. Зарбанальян, Л. Оганесян, М. Абебян, В. Чалоян, Г. Габриэлян, С. Аревшатян, Н. Товмасын и др.). Оно стало предметом исследования и в работах Р. Ачаряна, Г. Джаукяна и Л. Хачеряна¹.

Р. Ачарян обратился к словотолкованиям и этимологиям Григора Татеваци в своем "Корневом словаре армянского языка". При изложении истории этимологии корней он наряду с другими древними авторами использует также разъяснения Татеваци относительно того или иного слова.

Г. Джаукян в своей работе "Грамматические и орфографические труды в древней и средневековой Армении" в числе других грамматиков анализируя также взгляды Татеваци, представляет его как теоретика "искусства письма", показывает преемственность и различия с воззрениями предшествующих армянских грамматиков.

Татеваци представляет теоретиком "искусства письма" и Л. Хачерян в своей работе "Языково-грамматическая теория "искусства письма" в средневековой Армении".

Однако в упомянутых исследованиях лингвистические воззрения Татеваци представлены не полностью, так как до настоящего времени они освещались лишь на основе тех

---

1. **Ачарян Р.** Корневой словарь армянского языка, том 1—4. Ереван, 1971—1979. На арм.яз. **Джаукян Г.** Грамматические и орфографические труды в древней и средневековой Армении. Ереван, 1954. На арм. яз. **Его же.** Языкознание в Армении в V—XVIII вв. // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981; **Хачерян Л.** Языково-грамматическая теория "Искусства письма" в средневековой Армении. Ереван, 1962. На арм. яз.

материалов, которые содержатся в его толкованиях трудов Аристакеца и Геворга Скевраци, поэтому-то предыдущие ученые считали его только теоретиком "искусства письма". Между тем, почти во всех своих трудах, написанных задолго до этих толкований, в последние годы его жизни, он обращается к проблемам языка. Что касается толкований, то они дополняли его лингвистические взгляды.

Не полностью представлены и его многочисленные слово-толкования и этимологии, значительная часть которых представляет научную ценность. Несмотря на это они не нашли никакого отражения в "Новом толковом словаре армянского языка", всесторонне освещающем лексический запас древнеармянского языка — грабара, а в "Корневом словаре армянского языка" Р. Ачаряна представлены лишь частично (на основе языкового материала двух томов "Книги проповедей", "Книги вопрошений" и "Книги, называемой Златым Чревом").

Не исследованы также языково-стилистические особенности литературного наследия Татеваци, хотя и в этом смысле он является одним из самых интересных авторов армянского средневековья.

В настоящей работе грамматические взгляды Татеваци впервые освещаются на основе изучения всего литературного наследия (кроме вышеупомянутых толкований он не имеет специальных грамматических трудов).

Следует особо подчеркнуть, что система взглядов Татеваци в целом представляет собой результат многогранного исследования окружающего мира, природных явлений и процессов, а также соответствующих знаний. Основополагающий принцип, которым он руководствуется во всей своей творческой деятельности, является принцип раздвоения всего существующего на духовное и телесное. В области телесного у него сочетаются данные всех известных к тому времени наук, которыми он оперирует соответственно тому, в каком объяснении нуждается данное слово, обозначаемый им предмет, данное выражение (среди объяснений превалируют философские, богословские, морально-

этические пласты. Этим обусловлено то обстоятельство, например, что в "Толковании "Песни песен" мы находим постановку 5—6 грамматических вопросов и столько же попыток этимологизации). В этом смысле грамматические взгляды Татеваци являются составной частью его системы воззрений, выступают вместе с другими взглядами в качестве очередного объяснения.

Анализ показывает, что Григор Татеваци является не только теоретиком "искусства письма", но и третьим, после Григора Магистроса и Ованеса Ерзынкаци², ученым-систематизатором в истории средневековой армянской грамматической мысли, систематизировавшим грамматические идеи, начиная с Давида Грамматика до Ованеса Ерзынкаци. Однако Татеваци не слепо повторяет идеи предшествующих авторов, а проявляет себя оригинальным ученым, по-новому осмысливающим идеи и учения прошлого, выдвинув целый ряд теоретических обобщений.

Обычно исследователи имеют дело с изучением какого-либо труда, содержащего систему взглядов того или иного автора. Но так как взгляды Татеваци разбросаны по всему его литературному наследию, поэтому его самобытный стиль заставляет поступать, наоборот, а именно: обобщить систему его взглядов путем изучения всего литературного наследия.

В основном мы пытались анализировать взгляды Татеваци с учетом преемственности и различительных особенностей по сравнению с предшествующими авторами, то есть проявить исторический подход. При изучении словотолкований мы обращались как к синхронному, так и диахроническому принципу. Первый принцип осуществлялся в том случае, когда объяснение слов рассматривалось как толкование современника, второй — когда анализу подвергались исторические изменения, которые претерпевали интерпретированные им слова.

Грамматические взгляды Григора Татеваци, словотолкования, словоупотребления открывают новую страницу в истории армянского языка.

---

2. См.: **Джаукян Г.** Грамматические и орфографические труды в древней и средневековой Армении.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГРИГОР ТАТЕВАЦИ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

1.1. Григор Татеваци и его время

В средневековой армянской действительности даже незначительные позитивные сдвиги в политической жизни сопровождались оживлением культурной жизни. Порою, даже в самые напряженные и драматические периоды армянской истории, удавалось сохранить непрерывность в развитии духовной культуры; как, например, в изобилующие противоречиями XII—XIV веках, когда, невзирая на существование Киликийского армянского царства, политическая жизнь в стране выделялась крайней неустойчивостью. В этих условиях в Сюнике знаменитые очаги средневековой армянской мысли — Гладзорский, а затем — Татевский университеты готовили вардапетов (духовных ученых монахов), ученых и переписчиков для всей страны. И если относительно времени их появления можно отметить господство в Сюнике относительного покоя, то этого нельзя сказать о трех последних десятилетиях существования Татевского университета, в течение которых Татевский университет продолжал функционировать, решая помимо научно-образовательных, также политические вопросы.

Татевский университет явился своеобразным обобщением достижений армянской средневековой мысли. В этом смысле, здесь скрестились не только завоевания научной мысли, культурные традиции его непосредственного предшественника — Гладзорского университета и всего Сюника, но и Киликийской Армении, всей предшествующей научной мысли вообще. Этот факт нашел свое отражение, в частности, в произведениях Григора Татеваци.

Григор Татеваци своей многогранной творческой деятельностью стал знаменитым еще при жизни. Он пользовался известностью и как глава школы, и как ученый, и как политический деятель. Г. Алишан справедливо заметил, что он долгое время оставался непревзойденным в своей славе: "В последние годы его (Ованеса Воротнеци — С. Г.) жизни, в конце XIV и

начале XV веков прославился многократно упомянутый ученик Григор, который по причине того, что долгое время жил, учился, творил, обучал, умер и похоронен в монастыре (Татевском — С. Г.), был прозван, в частности, Татеваци и прославился больше не только всех последующих вардапетов, но и многих тех, которые жили до него"¹.

Все те, кому по какому-либо поводу приходилось писать о Татеваци, и в особенности, его современники, при упоминании о нем используют многочисленные почетные титулы, прозвища, которых он удостоился при жизни, как-то: "знаменитый ритор", "велемудрый вардапет", "трижды великий", "светозарное солнце", "великий рабун" (учитель), "освещающий весь мир", "трижды блаженный", "благодетельный отец", "второй просветитель народа армянского", "светлый ум", "гений" и т. д.

До нас дошли посвященные ему панегирики Аракела Сюнеци, вардапета Месропа, Маттеоса Джугаеци, сплетенные вокруг его имени сказания² и другие многочисленные и разнообразные сведения и упоминания.

Биографические сведения о Татеваци сообщают в основном Товма Мецопеци и Маттеос Джугаеци, скудные сведения содержатся также в его сочинениях, в их памятных записях. Что же сообщают его биографы?

Согласно Маттеосу Джугаеци он "был армянином, родом же происходил из двух мест: по отцовской линии — из Каджберуника, а по материнской — из айратской области, селения Парби"³. Ованес Воротнеци по дороге в Иерусалим встречает

---

1. **Алишан Г.** Сисакан. Венеция, 1893, с. 237. На арм. яз.

2. В одном из сказаний повествуется, что его рождение благовещалось, подобно рождению святых: "Однажды его благочестивая мать увидела во сне нашего святого Лусаворича (Просветителя), который держал в руке светильник с угасающим светом и сказал ей: "Бог услышал твои молитвы и через мое посредничество подарил тебе благопристойного сына. Возьми сей светильник и держи при себе, дабы младенец, который родится от тебя, осветил бы этот мерцающий светильник правильным исповеданием веры и благоразумным учением" (**Григор Татеваци.** Книга проповедей. Летний том. Константинополь, 1741, с. 6. На древнеарм. яз.).

3. См.: Источники по истории высших школ средневековой Армении (XII—XV вв.) // Пер. с древнеарм., вступит. статьи и примеч. К. С. Тер-Давтян. Ереван, 1983, с. 64. О месте рождения Григора Татеваци имеются два различных свидетельства источников. Согласно одному из них, он родился в Вайоц дзоре, второму — в крепости Тмок Гугарской области.

юного Хутлушаха⁴ и, оценив его незаурядные способности, делает своим духовным сыном. Великий вардапет воспитывал своего ученика "в добре и обучал всей премудрости Св. писания и внешних философов"⁵. Затем рукоположил его в дьяконы у могилы Григора Лусаворича (Просветителя), что на горе Сепух, назвав в его честь Григором. В Иерусалиме Ованес Воротнеци возвел его в священнический сан, а в том же достопамятном месте Даранагской области — в вардапеты. Все это, согласно Товме Мецопеци, длилось 28 лет.

В 1386 г. Воротнеци неожиданно заболел. Он "позвал к себе великого вардапета (Григора Татеваци) и его товарищей, благословил их всяческим духовным и божественным благословением и поставил главой и учителем над всеми Григориоса"⁶.

Татеваци сменяет учителя "с согласия и по воле великого вардапета Саргиса из святой Харабастской обители и (духовных) собратьев его — Акопа из Сагмосаванка Айраратской области и Георга Ерзынкаци и всего собрания учеников, вардапета Ованеса Мецопеци, Акопа и Мхитара из Рштуника"⁷. Таким образом, для участия в церемонии назначения Татеваци главой университета пришли со всех концов Армении. Все это имело место в Апракунисском монастыре, где Воротнеци и Татеваци находились по стечению обстоятельств.

После смерти Воротнеци его ученики, получившие звание вардапета, отправляются в различные области для выполнения своей миссии: "его собратья однокашники ушли от него" (Татеваци — С. Г.), "великий Акоп отправился в Араратский край... И вардапет Георг⁸ со своими учениками отправился в Ерзынка, область Екелеац. И остальные рассеялись по разным местам"⁹. Татеваци остается с небольшой группой учеников.

---

4. По этимологии Ст. Орбеяна "хутлушах" означает "одаренный царь" // **Степанос Орбеян**. История Сюника. Ереван, 1986, с. 368. На арм. яз.

5. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 6607, с. 6 а.

6. **Товма Мецопеци**. История Тимурленга и его преемников. // Пер. с древнеарм., предисловие и комм. К. С. Тер-Давтян. Ереван, 2005, с. 48.

7. Там же, с. 24.

8. Речь идет о Григоре Хлатеци, который в 1378—1386 гг. учился у Воротнеци.

9. **Товма Мецопеци**. Указ. соч., с. 34.

Здесь его биографы не сообщают один факт, о котором мы осведомляемся из памятной записи его труда "Вопросы Георга и ответы Григора Татеваци". Из памятной записи мы узнаем, что он из Апракунисского монастыря отправляется в Шахапуник, где становится свидетелем первого похода Тимурленга в Армению. В 1387 г. Тимурленг осадил крепость Шахапонк. Среди осажденных был и Татеваци. Именно о взятии крепости, ее разрушении, избиении населения он пишет в памятной записи упомянутого труда, написанного в том же году.

Затем Татеваци вместе с учениками вновь возвращается "на зиму" в Апракунисскую обитель, а весной "отправляется в святую обитель, благотворный престол апостола Евстафия, в княжество Орбелянов, к ишхану Смбату, сыну Иванэ, внуку Буртела"¹⁰. Татеваци, пользуясь покровительством княжеского дома Орбелянов, возобновил деятельность университета, который по свидетельству Давида Багишеци, имел три "отделения": "На одном обучали музыке по канонам сладкозвучного пения, следуя древним певцам-вардапетам..., а на другом [учились] живописному искусству и различным приемам рисования. А на третьем [изучали] науки внешние и внутренние"¹¹.

По свидетельству Мецопеци, через некоторое время Татеваци набирает многочисленных учеников и слава Татевского университета благодаря ему вновь распространяется по всей стране и "армянский народ удостоился уважения чужестранцев благодаря сладкоречивым и многомудрым речам великого Григора"¹².

В 1406 г. из Каджберуникской области к Татеваци приходят также 12 учеников Саргиса Апракунеци и сменившего его вардапета Вардана, среди которых был и Товма Мецопеци. С этого времени Мецопеци становится свидетелем деятельности

---

10. Там же, с. 34.

11. **Хачикян Л.** Гладзорский университет и выпускные речи его воспитанников. // Сборник научных трудов Ереванского госуниверситета. Ереван, 1947, с. 23. На арм. яз.

12. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 6607, с. 6 а.

Татеваци, а затем и последователем его принципов и биографом.

Чтобы оградить университет от опустошений, Татеваци входит в контакт сначала с Тимурленгом, а затем и с его сыном Мираншахом. Они не только принимают его, но, возможно, принимая во внимание его влияние, удостоивают чести: "И был [удостоен] уважения и чести великим властелином Тимуром и его сыном Мираншахом"¹³.

После смерти Тимурленга, очередной поход в Армению предпринимает Кара-Юсуф из туркменского племени Каракоюнлу. Татеваци пытается вести переговоры и с ним, однако его попытки не увенчались успехом (целью было ходатайствовать за брата Воротнеци, Смбата Орбеляна, у которого Кара-Юсуф отобрал крепость Воротн). "Юсуф, — пишет Мецопеци, — отнял (крепость — С. Г.) Воротн у ишхана Смбата. К [Юсуфу] в качестве посредника пришел [Григор Татеваци], но он не внял мольбам Вардапета"¹⁴.

По свидетельству Тумы Сюнеци¹⁵, еще в 1402 г. Татеваци руководство университетом возложил на Маттеоса Джугаеци. По всей вероятности этот шаг был продиктован состоянием здоровья и его намерением посвятить высвободившееся время проповеднической деятельности и решению вопросов, связанных с католикосским престолом. В 1406 г. он оставляет Татев и отправляется в Каджберуникскую область, в Мецопский монастырь: "Но из-за притеснений неверных, взяв (нас) с собой, покинул Сюникскую область и пришел в Арчешскую¹⁶ (то есть взял с собой и прибывших из Арчеша вышеупомянутых 12 человек).

Навстречу Татеваци выходит Ованес Мецопеци, который руководил не менее прославленной Мецопской школой:

---

13. Там же.

14. **Товма Мецопеци**. Указ. соч., с. 35.

15. Памятные записи армянских рукописей XV века. / Сост. Л. Хачикян. Ч. I. Ереван, 1955, с. 24. На древнеарм. яз.

16. **Товма Мецопеци**. Указ. соч., с. 45.

"Ованес вышел встречать своего духовного родителя¹⁷ и, сопроводив в свою пустынь, дал ему отдохновение от многих трудов"¹⁸. Прибытие Татеваци вызывает оживление в этих районах. Многочисленное духовенство и вардапеты спешат увидеть и услышать знаменитого мужа. Вокруг Татеваци собралось "одиннадцать вардапетов и восемьдесят священнослужителей", в их числе "мученик и св. муж Григор Хлатеци, Акоп Овсананц из Рштуника, Маргарэ из Варага, Акоп из Асписнака, Ованес из Папкашена, Степанос из Беркри, Мкртич из Хизана, Ованес из Багеша, вардапет Саргис из [монастыря] Арутюн (Воскресение), Меликсет из Ерзынка"¹⁹.

Татеваци остается здесь целый год, в течение которого разворачивает интенсивную многогранную деятельность — наставляет, проповедует, создает новые произведения и, что самое важное, делает предметом широкого обсуждения вопрос армянского католикосского престола. Для лишенной государственности Армении решение этого вопроса приобретало первостепенное значение. Оно стало и последним его патриотическим шагом. Это явилось также продолжением той борьбы против униатов, которую начал еще Воротнеци. Татеваци упоминает организованный своим учителем в 1379 г. мощный отпор притязаниям униатов и одержанную над ними важную победу. Татеваци доводит эту борьбу до победного конца и теоретически: многие страницы его произведений посвящены обоснованию несостоятельности этого движения, выявлению его истоков, обучению формам борьбы.

Из анализа его труда "Об Ахтамарском престоле" становится ясно, что программу объединения расколотого с 1114 г. армянского католикосского престола имел еще Воротнеци. Прибыв в Арчеш и воспользовавшись тем обстоятельством, что по причине принадлежности к Ахтамарскому престольному католи-

---

17. Товма называет "духовным отцом", так как Ованес Мецопеци вардапетское звание получил от Татеваци. См.: **Товма Мецопеци**. Указ. соч., с. 50. См. также: **Чамчян М.** История Армении. Т. 3. Ереван, 1984, с. 453. На древнеарм. яз.

18. **Товма Мецопеци**. Указ. соч., с. 50.

19. Там же, с. 46.

косату Каджберуникская область находилась под "оковами проклятия", Татеваци искусно использует повод для избавления области от анафемы и добивается упразднения Ахтамарского католикосского престола, получив на это согласие местных светских и духовных предводителей, недовольных Ахтамарским католикосом. Хотя Татеваци и не смог полностью реализовать намеченную программу по восстановлению единства армянской церкви, однако предпринятые им в этом направлении шаги имели определяющее значение для окончательного решения вопроса в будущем, в 1441 г. Благодаря усилиям его учеников и последователей, в особенности Товмы Мецопеци и Ованеса Гермонаци, всеармянский католикосский престол окончательно утвердился в Эчмиадзине. Тем самым был упразднен вопрос раскола армянской церкви, что, в свою очередь, способствовало решению вопроса духовного единства и самобытности армянского народа.

Таким образом, оставаясь верным своим принципам, Татеваци два последних года своей жизни также посвящает идее упрочения своей родины и единения своего народа.

Вскоре он вынужден был оставить Каджберуникскую область. По этому поводу Гарегин Овсепян пишет: "Причины удаления Татеваци из Мецопы нам неизвестны. Товма, как в своей Истории, так и в памятной записи 859 (1411) года сообщает, что ученики тайно увезли его"²⁰. Факты свидетельствуют о том, что пребывание в Мецопе для жизни Татеваци стало небезопасным²¹, в противном случае не было бы надобности увезти его "тайно" ("пришли ученики [Григора], некоторое время оставались [в Мецопском монастыре], а потом тайно увезли его в Араратскую область"²²).

Ованес Мецопеци со своими учениками и вардапетами

---

20. **Овсепян Г.** Жизнь Товмы Мецопеци. Вагаршапат, 1914, с. 12. На арм. яз.

21. По свидетельству М. Чамчяна, спустя некоторое время отравляют католикоса Акопа Ссеци, который и должен был сменить католикоса Давида на Ахтамарском престоле (**Чамчян М.** История Армении. Т. 3, с. 457).

22. **Товма Мецопеци.** Указ. соч., с. 46.

сопровождает Татеваци. Он приезжает в Ереван²³, затем — в Сагмосаванк "к великому вардапету Акопу Сагмосаванеци, его духовному сроднику"²⁴. Вскоре за великим вардапетом из Татева приезжает Аракел Сюнеци — "любомудрый епископ и вардапет философ"²⁵. Прибывшие из Мецопы вардапеты и их ученики вместе с ним отправляются в Татев, по всей видимости, с намерением последовать его прерванной проповеднической деятельности. Однако вконец истощенный от трудов и скитаний, Татеваци заболевает и "засыпает навеки" (согласно Товме Мецопеци это произошло через восемь дней после прибытия в Татев). "Умер блаженной смертью в Татевском монастыре 27-го декабря и был похоронен в великий праздник апостолов Петра и Павла, и удостоился их чина и чести в 858 (1410) г. ..." ²⁶.

Смерть Татеваци упоминается современниками как великая потеря. "И мы остались как человек без головы и тело без души"²⁷, — пишет Товма Мецопеци. "Горе нам, что больше не сумеем лицезреть его благоприятный лик и больше не будет глаголить огнедышащий язык"²⁸, — вторит ему Аракел Сюнеци. "В безвыходном горе пребывают те, кто лишился возможности лицезреть тебя"²⁹, — свидетельствует Маттеос Джугаеци.

В этих выражениях почитания, похвал, дани уважения перед нами встает целостный образ знаменитого человека. Оценивая многочисленные заслуги Татеваци, современники особенно подчеркивают значимость его усилий, направленных на спасение самостоятельности армянской церкви.

---

23. О прибытии Татеваци в Ереван Г. Овсепян пишет: "В Ереване Татеваци дает вардапетскую степень Товме. Хотя об этом Товма сообщает в вышеупомянутой памятной записи, однако без упоминания места. Этот пробел восполняет Киракос Банасер (Словесник)" (**Овсепян Г.** Жизнь Товмы Мецопеци, с. 12).

24. **Товма Мецопеци.** Указ. соч., с. 46.

25. Там же, с. 51.

26. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 6607, с. 6 б.

27. Памятные записи армянских рукописей XV века. Ч. I, с. 103.

28. **Григор Татеваци.** Книга проповедей. Летний том, с. 717.

29. Памятные записи армянских рукописей XV века. Ч. I, с. 119.

Следует отметить также, что все те, кто писал о Татеваци, боялись, что не смогут по достоинству представить его: "если собрать все языки в одном месте, то они не в состоянии по достоинству восхвалить [его] дифирамбическом словом"³⁰. То же самое утверждает и Маттеос Джугаеци: "Если бы нашелся некто даже многообильный [знаниями], все равно не смог бы воздать ему почести"³¹.

И это понятно. Ведь речь шла о непревзойденном в риторическом искусстве и удостоившемся великой славы человеке. И вместе с тем, бесспорной была их вера, что Татеваци оставит неизгладимую память в истории армянского народа: "Душеспасительные и полезные речи оставил нам в качестве памятника... возложил золотой венец на голову нашего народа"³².

Не следует во всем этом видеть преувеличение, так как заслуги Татеваци действительно велики и неоценимы перед потерявшим государственность народом³³, упрочению самобытности которого он без остатка посвятил всю свою жизнь.

В процессе своей деятельности Татеваци иногда вынужденно, а иногда и по своей инициативе, много разъезжал, держа в поле своего внимания помимо Татевского университета также школы Апракуниса, Мецопы, Сагмосавана. На этом поприще соратниками его были Ованес Мецопеци, Саргис Апракунеци, Акоп Сагмосаванеци, Георг Ерзынкаци, Григор Хлатеци (Церенц), а впоследствии — получившие у него образование Маттеос Джугаеци, Аракел Сюнеци, Товма Мецопеци, Ованес

---

30. **Григор Татеваци.** Книга проповедей. Летний том, с. 6.

31. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 6607, с. 6 б.

32. **Григор Татеваци.** Книга проповедей, Летний том, с. 720.

33. Оценивая вклад Татеваци, как равноценный заслугам Григора Лусаворича, Саака Партэва, Месропы Маштоца, Григора Нарекаци и других, армянская церковь причислила Татеваци к сонму своих святых. В этой связи считаем уместным привести меткое замечание Магакии Орманяна: "Каждый из святых армянской церкви, число которых после V века с трудом составит один десяток, удостоился этой чести благодаря своим знаменитым и блестящим заслугам...". (См.: **Магакия Орманян.** Армянская церковь. Константинополь, 1912, с. 174. На арм. яз.)

Гермонаци и другие. Разумеется, именами этих немногочисленных интеллектуалов не исчерпывается число лиц, которые слушали и обучались у Татеваци, содействовали и сотрудничали с ним. Мецопеци поименно упоминает около сорока из них, которые приехали из Джуги, Астапата, Шамахи, Капана, Рштуника, Багеша, Ерзынки, Гандзасара, Тавриза, Пайтакарана и многих других мест. На основе сведений памятных записей и других источников можно увеличить этот перечень.

Татевский университет при Григоре Татеваци играл роль всеармянского центра науки, культуры и образования, находясь в тесном контакте с вышеупомянутыми школами и деятелями. Периодически посещая эти школы, Татеваци стимулировал расширение их деятельности и способствовал повышению их авторитета, одновременно привлекая к участию в деле развертывания учебно-просветительской работы, а в некоторой степени и к решению политических вопросов. В лице вышеупомянутых вардапетов Татеваци имел ревностных, всецело преданных делу сохранения независимости и культурной самобытности армянского народа.

Таким образом, Татевский университет, благодаря неумной деятельности его главы Григора Татеваци, предстает перед нами как центр, от которого распространяются живительные нити и струи в многочисленные научные и учебные очаги, находящихся в самых различных краях и областях Армении, а также за ее пределами. Аккумулировав культурные ценности, созданные армянским народом в предшествующие столетия, Татевский университет ознаменовал новую, высшую ступень в развитии национальной науки и культуры, а также "искусства письма", как и борьбы во имя сохранения национальной самобытности.

Григор Татеваци с величайшим мастерством руководил этим, окаймляющим период наивысшего подъема армянской средневековой теоретической мысли знаменитым очагом.

1.2. Литературное наследие Григора Татеваци

Литературное наследие Григора Татеваци включает около тридцати произведений. Точное число их колеблется между 24 и 32. По свидетельству его современников он написал 24 произведения, однако в Матенадаране им. Маштоца их число доходит до 32. Если правильно сообщение писцов (в том числе и Аракела Сюнеци), то причиной большего числа сочинений в Матенадаране может быть следующее. Труды Татеваци часто копировались (только в Матенадаране хранится около 1050 списков), при этом по необходимости тот или иной труд переписывался не только целиком, но и фрагментарно. Естественно, в течение столетий на долю не всех переписчиков выпала удача иметь под рукой оригинал трудов Татеваци, или даже — целиком переписанный экземпляр. Поэтому копировались и размножались и отрывки, которые впоследствии и могли со стороны некомпетентных писцов восприниматься как отдельные произведения, доводя, таким образом, число его произведений до 32. Это предположение может быть обосновано и тем фактом, что среди работ Татеваци имеются чрезмерно краткие, которые имеют содержательные параллели с тем или иным объемистым трудом. Так, например, "Толкование "Отче наш" могло быть отделено от "Книги проповедей" или "Толкования от Матфея", так как в обоих произведениях оно встречается в качестве отдельных глав³⁴.

Между научно-литературным наследием и общественно-политической деятельностью Татеваци существует внутренняя органическая связь: он теоретически обосновывал то, что составляло содержание его практической деятельности. Конфессионально-политической деятельностью Григора Татеваци были вызваны к жизни такие его работы, как "Книга проповедей" в двух томах, "Златое Чрево", "Об Ахтамарском престоле", "О присуждении чинов". Той же цели служили также его философские сочинения, в том числе "Краткий анализ учения Давида" и "Краткий анализ Порфирия". Рассмотрению и пояснению

---

34. Так, например, его работа "Против арабов" представляет собой часть "Книги вопрошений". См.: **Б. Кюлесерьян**. Ислам в армянской литературе. Вена, 1930. На арм. яз.

"искусства письма" и грамматических вопросов посвящены "Краткое объяснение труднодостижимых слов в книге письма Аристакеса Ритора", "Краткий анализ наставления о письме Георга вардапета", "Об искусстве письма".

В литературном наследии Григора Татеваци имеется значительное число толкований и анализов, которые представляют собой новые толкования широко распространенных в армянской действительности и многократно интерпретированных трудов. К таковым относятся: "Анализ притч", "Толкование Псалмов", "Толкование Песни песен", "Толкование Иова", "Толкование от Матфея", "Толкование от Иоанна", "Толкование от Есаи". Все они являются, так сказать, толкованием толкований (иногда одного автора, а иногда — отдельных извлечений). При их написании Татеваци преследовал цель сделать более доступной и удобопонятной традиционную толковательную литературу, присовокупляя к ним и свои оригинальные толкования. Наконец, его знаменитая "Книга вопрошений" является своеобразной энциклопедией многочисленных вопросов и соответствующих ответов, которые интересовали и волновали не только просвещенные умы средневековья, но и широкие слои народа.

К изучению теоретических взглядов "искусства письма", а также философских, социально-экономических, отчасти и эстетических взглядов Татеваци обращались многие исследователи³⁵.

---

35. К литературному наследию Татеваци обращались Г. Алишан (Сисакан. Венеция, 1893. На арм. яз.), М. Орманиян (Азгапатум. Ч. 2. Константинополь, 1914. На арм. яз.), Г. Зарбаналян (История армянской литературы. Венеция, 1878. На арм. яз.), Р. Ачарян (Словарь армянских личных имен. Т. 1, Ереван, 1942. На арм. яз.), М. Абебян (История древней армянской литературы. Т. 2, Ереван, 1946. На арм. яз.). Его взгляды как теоретика "искусства письма" впервые исследовал Г. Джаукян (Грамматические и орфографические труды в древней и средневековой Армении. Ереван, 1954. На арм. яз.), а затем — Л. Хачерян (Языково-грамматическая теория "искусства письма" в средневековой Армении. Ереван, 1962. На арм. яз.). Философским взглядам Татеваци посвящено исследование С. Аревшатяна (Философские взгляды Григора Татеваци. Ереван, 1957), экономическим — Н. Товмасына (Социально-экономические взгляды Григора Татеваци. Ереван, 1966. На арм. яз.). О миниатюрах, выполненных Татеваци, впервые упомянула Л. Дурново (Древнеармянская миниатюра. Ереван, 1952; Армянская миниатюра. Ереван, 1967). Эстетические взгляды отчасти отражены в серии "Мастера искусства об искусстве". Т. 6. М., 1969. Его медицинские взгляды исследовал Л. А. Оганесян (История медицины в Армении. Ч. 2. Ереван, 1946).

Однако, весьма обширное и многогранное литературное наследие Татеваци предоставляет возможность каждому новому исследователю обнаружить все новые и новые пласты исследовательского материала и отдельные данные даже в направлении уже проведенных исследований.

Мы сочли целесообразным показать на примере краткого сравнительного анализа одного из трудов Татеваци то общее, которое имеет данный труд с достижениями предшествующей научной мысли и то новое, которое привнесено его автором. В качестве предмета сопоставительного анализа мы взяли его "Книгу проповедей", которая, как уже было отмечено, была вызвана к жизни конфессионально-политической борьбой.

Развернув бурную проповедническую деятельность с целью освещения злободневных вопросов своего времени и, не будучи в состоянии успевать повсюду, Татеваци, в последние годы своей жизни передает бумаге все то, что в течение многих лет проповедовал устно. Об этом он пишет: "И вот, я, помраченный умом и немощный телом, последний из служителей церкви и недостойный из словесников, прозванный Григором, тщетный, неудачный писака, составил своей собственной рукой книгу проповедей в беспокойные времена, по большому летоисчислению в 856 году (1407 г.) под покровительством престола апостола Евстафия. Для этого (написания книги) имелись три причины. Во-первых, принужденный братьями, единокорными учениками. Во-вторых, **так как не было [под рукой] книги проповедей наших вардапетов, но только [их] глубокомысленные высказывания.** И, в-третьих, будучи робким душой и неповоротливым телом, я не мог проповедовать многим, по этой причине сочинил эту книгу проповедей, дабы и от меня досталась вам частица добра (пользы). Ибо до этого имело место одно из трех: **или не поучали, или делали это с трудом, или же, взяв у других, поучали непристойно.** Поэтому я сочинил два тома [проповедей] ради облегчения [дела поучения]: один — зимний, другой — летний. **А то, что почерпнуто [из других мест],** пусть не кажется взятым из глупых мыслей. От других также я отбирал полезное и доброе

и отбрасывал лишнее (подчеркнуто нами — С. Г.)³⁶. (Исследования показывают, что 344 проповедей Татеваци находятся в теснейшей связи с положениями "Книги Канонов"³⁷).

Говоря "глубокомысленные высказывания", Татеваци имеет в виду положения, касающиеся всех сфер и сторон общественной жизни, которые разрабатывались в определенном аспекте и постепенно, в течение времени, приобрели силу и статус закона. Он использовал их в качестве исходного мыслительного материала для своей проповеднической деятельности, перерабатывая и дополняя их характерными для проповедей жанровыми элементами. Он стремился ясно и просто, в доступной для широких слоев народа форме осветить те принципы и идеи, которые имели давние и глубоко национальные истоки, будучи созвучными также требованиям общественной жизни его эпохи. Очевидна даже общность, идентичность целей "Книги Канонов" и "Книги проповедей". "Осуществить национальными обычаями и канонами, то есть традициями определенные общественно-политические цели — в этом политическое и практическое значение "Книги Канонов" того времени. Это явилось своеобразной демонстрацией против халкидонитства, в частности, и завоевательной политики византийской империи в целом"³⁸, — так характеризует историческую значимость и назначение "Книги Канонов" ее исследователь В. Акопян.

И так как католический Рим еще не отказался от своей экспансионистской программы, то в условиях отсутствия национальной государственности, единственной опорой и

---

36. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 720.

37. По нашему мнению, "Всеобщее послание" Нерсеса Шнорали, "Всеобщее наставление" Ованеса Ерзынкаци и "Книга проповедей" Григора Татеваци не что иное, как своеобразные толкования "Книги Канонов" с целью сделать их доступными для широких народных масс. Эти труды призваны служить одной и той же цели, однако их авторы избрали специфические пути для ее достижения (закон, канон, наставление, проповедь).

38. Акопян В. Книга армянских канонов. Т. I. Ереван, 1964, с. XV. На арм. яз.

силой в борьбе против его домогательств оставалась Армянская церковь. И вот, "Книга проповедей" Татеваци была не чем иным, как теоретическим оружием в руках Армянской церкви.

Таким образом, "Книга проповедей" посвящена рассмотрению и освещению существующих задолго до этого времени законов, положений и их разъяснению на общедоступном и понятном языке. Следовательно, она касается уже известных и в той или иной мере затронутых вопросов. Однако, труд Татеваци не только далек от повторения, но и знаменует собой новую ступень мышления, этап их осмысления. Он по-новому трактует столь беспокоящие Армянскую церковь вопросы сектантства и ереси, показывая их несравнимо большую по сравнению с идолопоклонничеством опасность. "И лучше быть отступником,— пишет он,— чем еретиком..., ибо [еретик] не может различить друг от друга ложь и истину, ложь свою считая истиной"³⁹. Политическая дальновидность Татеваци в этом вопросе не вызывает сомнений: история не раз подтверждала истинность этого положения.

Весьма обширны рамки охвата "Книги проповедей". Татеваци в основном подробно анализирует все исходные положения и вопросы. Для того, чтобы сделать ту или иную проповедь более понятной, доступной и убедительной, автор часто иллюстрирует свои мысли на взятых из жизни примерах, знакомых природных явлениях, которые одновременно сообщают также различные интересные сведения об окружающем мире. Таким же образом мы черпаем сведения относительно животного и растительного миров, средневековых представлений по астрономии, геологии, музыке, медицине, которые свидетельствуют об исключительной широте познаний Татеваци, энциклопедическом характере его ума.

Однако, вместе с тем одним из действительных достоинств данного труда, по нашему мнению, является акцентирование, воспевание идеи гуманизма. В своих проповедях он не раз проводит параллель между человеком и Богом, пестует образ

---

39. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 222.

совершенного человека, который прежде всего представляется мудрым, честным, скромным и беспристрастным, "свободным и способным к мудрости благодаря учению"⁴⁰.

Даже в его отвергающем и осуждающем слове сквозит глубокая, неподкупная и светлая любовь к человеку. В этом одна из характерных черт и особенностей, присущих этому автору — великая любовь и вера в человека; это тот критерий, исходя из которого он и осуждает, и восхваляет, и наставляет, и увещевает.

Подобной высоты образного мышления армянская художественная мысль достигла уже в творчестве гениального поэта Григора Нарекаци (951—1003), на которого, кстати, неоднократно ссылается Татеваци. Вместе с тем следует отметить, что хотя высокохудожественная "Книга скорбных песнопений" Нарекаци в течение ряда веков и почиталась как священная книга, однако ж она становилась все недоступней для все отдалявшегося от ее языка народа, который в эпоху Татеваци находился в весьма неблагоприятных, тяжелейших условиях не только в политическом плане. Возникла строгая необходимость пробудить в народе национальный дух, веру в человеческое, в добро и прекрасное. Именно эту цель и преследовал Татеваци в своем труде.

Таким образом, при изучении как "Книги проповедей", так и любого другого произведения Татеваци, необходимо принять во внимание то обстоятельство, что, преследуя какую-либо научную цель, он апеллирует к тем достижениям предшествующей армянской теоретической мысли, которые могут оказаться полезными для осуществления намеченной цели. Труды Григора Татеваци, с одной стороны, становятся обобщением созданных его предшественниками ценностей, а с другой — благодаря широким теоретическим обобщениям и оригинальному анализу, знаменуют новый этап в развитии средневековой армянской научной мысли. В этом смысле вполне убедительно звучит утверждение С. Аревшатяна о том, что "развитые им научные, материалистические положения,

---

40. Там же, с. 567.

оригинальные социально-политические концепции обгоняли свое время, предвещая новый взлет науки, если нормальный ход исторического развития на несколько веков не был бы прерван иноземным игом, опустошительными войнами и разорением страны"⁴¹.

Литературное наследие Григора Татеваци включает и значительное число толкований, поэтому вкратце остановимся и на них. Их сопоставление с первоисточниками показывает, что при комментировании того или иного сочинения Татеваци ставил перед собой задачу сделать его более доступным, удобопонятным для современников, тем самым одновременно давая новую жизнь постепенно выходящим из употребления произведениям.

В основном сохраняя структурную целостность комментируемых источников, Татеваци сокращал отдельные части, или, наоборот, расширял, а иногда и выбрасывал, если считал их лишними. Мы должны учесть то обстоятельство, что речь в данном случае идет о толковательной литературе, которая могла вообще выйти из употребления по причине возникшего несоответствия мышлению и духу времени, и в которой содержались позитивные элементы традиционного и национального мышления. Поэтому велики заслуги Татеваци и в этой области, ибо вместо того, чтобы создать свою теорию "искусства письма", он пишет толкования к трудам Аристакеся и Георга Скевраци; вместо того, чтобы дать собственные толкования наиболее распространенных и принятых в толковательной литературе библейских тем, он пишет толкование к "Толкованию Песни песен" Вардана Аревелци, "Толкованию Притч" Нерсеса Ламбронаци, толкованиям Иоанна Златоуста, Нерсеса Шнорали, Ованеса Цорцореци.

Оригинальные и пространные вставки, анализ, новый подход, проявленный к рассматриваемым проблемам, позволяют утверждать, что написание толкований к толкованиям не было самоцелью и средством поиска легкого

---

41. Видные деятели армянской культуры (V—XVIII века). Ереван, 1982, с. 333.

пути. Более того, давая новую жизнь трудам вышеупомянутых авторов, Татеваци в своих толкованиях в то же время настолько своеобразен, что можно с уверенностью сказать, что они являются самостоятельными произведениями, с присущими их автору языко-стилистическими особенностями, тем более, что в них отражены дух и мышление конкретной эпохи.

В своих толкованиях Татеваци никогда не упускает из виду то, что имело существенное значение для армянской действительности и особенно то, что было созвучно актуальным задачам времени. Очень часто он включает примыкающие к рассматриваемой проблеме многочисленные смежные вопросы, которые сообщают разнообразные сведения, относящиеся к самым различным сферам средневековой жизни. В отличие от традиционной толковательной литературы, ключом для понимания толкований он делает реальную земную жизнь, не гнушаясь и не боясь смелых сравнений и параллелей.

Вообще Татеваци свойственна смелость мышления. Он принимает лишь те точки зрения, которые, по его мнению, способствуют расширению границ мировосприятия и отвергает те, которые содержат опасность порождения упаднических настроений (например, фатализм, учение о прирожденности зла и др.), или же могут выхолостить мысль человека. Этим объясняется то обстоятельство, что он никогда не следует слепо тому или иному, даже самому авторитетному, мнению, а по-новому анализирует и осмысливает многие известные положения, в том числе и богословские. Например, он осуждает Иуду не столько за то, что тот предал Божьего сына, сколько за саму причину предательства: **"Ради серебра предал, а не во имя закона или народа. Поэтому хорошо, когда человек умирает во имя народа"** (выделено нами — С. Г.)⁴².

Естественно, что только прогрессивный идеолог нахо-

---

42. Григор Татеваци. Толкования от Матфея. // Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1264, с. 299 б. На древнеарм. яз. Տէւ իրաւաբանական տեսչութիւն:

дющегося в крайне напряженном состоянии народа мог превозносить патриотизм словами, заключающими в себе такую опасность.

Он был глубоко убежден в том, что принятые точки зрения в действительности не всегда оказываются истинными. Армянский народ остался один перед коварными интригами Рима; многие народы предпочли пойти на соглашение и Рим обвинял Армению за ее обособление. Однако Татеваци безоговорочно считает, что армянский народ всецело прав в своей политической и идеологической ориентации: "Что мы можем ответить тем, кто клеветет на армянский народ [из-за того], что не объединяется с другими [народами]? Кроме того, утверждают, что всеобщие каноны являются более истинными, чем частные.... Относительно этого скажем, что, во-первых, не всегда общее является истинным и не во всех случаях единое оказывается ложным. Подобно тому, как говорится: всякий человек является справедливым и ни один человек не является справедливым. И вот эти [суждения] хотя и являются общими, но не являются истинными, а — ложными, ибо один человек [является] справедливым, а другой — несправедливым. И вот эти [суждения] касаются единичных [вещей] и являются истинными"⁴³.

В произведениях Татеваци тесно переплетены философские, социально-политические, экономические, правоведческие, педагогические, нравоучительные, лингвистические, эстетические и другие проблемы и лишь на основе определенного обобщения мы причисляем данный труд к той или иной области знания⁴⁴.

Каждая из перечисленных проблем имеет свое место в системе его взглядов. Например, в вопросе упорядочения человеческих отношений он указывает на роль и значение правовых законов. Сообщаемые им сведения свидетельствуют

---

43. Григор Татеваци. Книга вопрошений. Константинополь, 1729, с. 550. На древнеарм. яз.

44. Толкования трудов Аристакаса и Георга Скевраци сравнительно обособлены от других, будучи изначально обусловлены содержанием источников, хотя и они не лишены постановки философских, социально-политических и другого рода вопросов.

о солидных знаниях, которыми он обладает и в этой области. Однако, исходя из того, что в его обширном теоретическом наследии правовые вопросы занимают относительно скромное место, можно предположить, что путь к утверждению социального порядка, упорядочения человеческих отношений он видел больше в заповедях и проповедях, чем в силе закона. Это полностью созвучно общему духу его мировоззрения.

Отметим также, что, излагая свои труды принципиально на древнеармянском языке, Татеваци вместе с тем заботился, чтобы они были доступными и ясными, избегая употребления диалектных и разговорных форм ("не по-мужицки и не приспособляясь к мирской речи")⁴⁵, не избегая, однако, различных средств, присущих народному мышлению. Глубокими обобщениями такого рода являются его многочисленные высказывания и крылатые слова. Он также часто пояснял свои мысли притчами.

Татеваци является также автором прекрасного панегирика, посвященного памяти Ованеса Воротнеци. Об этом панегирике М. Абемян пишет: "Панегирик, действительно, изобилует ораторскими приемами — вопросами, восклицаниями, повторениями однотипных слов и так далее, в нем есть образные и велеречивые выражения, но без напыщенности. Это — проникнутый чувством печали и искренней любви красивый панегирик, благодарственная хвала, содержащая заимствованные из Св. писания уподобления достойному деятелю"⁴⁶.

Таким образом, при рассмотрении заслуг Татеваци, в первую очередь, бросается в глаза та единая, целостная связь, которая существует между всеми сферами его многогранной деятельности. Почти целиком усвоив средневековую культуру, он выступил как систематизатор знаний. Своей конфессионально-политической борьбой и вниманием к "искусству письма", подготовкой многочисленных учителей он пресле-

---

45. Григор Татеваци. Книга вопрошений, с. 772.

46. Абемян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975, с. 558.

довал ту же цель, а именно: заботился об упрочении самостоятельности и независимости армянского народа, дабы сделать прочной и надежной его жизнь.

Так как с начала XV века, по стечению исторических событий, научная и культурная жизнь в Армении претерпевает упадок, то вполне понятно, что прерывается и традиция передачи из поколения в поколение приобретенных ценностей. В этом смысле сильно сужается круг возможного влияния представителей Татевского университета и в том числе и Григора Татеваци. И тем не менее, исследователи отмечают его бесспорное влияние на Аракела Сюнеци, Товму Мецопеци, Акопа Крымеци и других. "Несомненно, даже самое беглое сравнение трудов Татеваци и Сюнеци делает очевидным их идейное единство"⁴⁷, — пишет А. Мадоян. По мнению Дж. Эйнатян, у Акопа Крымеци — "достойного последователя традиций Татева", "многие вопросы мировоззрения связаны с воззрениями этой школы и ее руководителя — Григора Татеваци"⁴⁸.

Однако, следует отметить, что влияние Татеваци на дальнейшую научную мысль до сих пор не изучена полностью. Так, например, исследования показывают, что грамматик XVI века Давид Зейтунци пользовался также сочинениями Татеваци (при анализе лингвистических взглядов Татеваци мы провели соответствующие параллели). Неизвестно, однако, каков оказался круг влияния литературного наследия Татеваци после нескольких изданий его трудов в XVIII веке.

Таким образом, литературное наследие Татеваци, невзирая на имеющиеся исследования, все еще нуждается в серьезном и всестороннем изучении, что даст возможность выявить все те связи, которые имели его сочинения, с одной стороны, с предшествующими достижениями научной мысли, с другой стороны — с научной мыслью последующих периодов.

---

47. Мадоян А. Аракел Сюнеци. Ереван, 1987, с. 25. На арм. яз.

48 Акоп Крымеци. Календароведческие труды. / Подг. текста, введение и комм. Дж. А. Эйнатян. Ереван, 1987. Введение, с. 89. На арм. яз.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В ТРУДАХ ГРИГОРА ТАТЕВАЦИ

2.1. Толкования трудов Аристакеся и Георга Скевраци

При освещении литературного наследия Григора Татеваци было отмечено, что, будучи глубоко сведущим в достижениях предшествующей научной мысли, он сумел сделать широкие теоретические обобщения, что и позволило ему сказать свое слово в истории научной мысли. В этом смысле не составляют исключения и его лингвистические взгляды. Татеваци сопоставил точки зрения различных армянских грамматиков, начиная с Давида Керакана (Грамматика) до Ованеса Ерзынкаци. При этом, он делал не случайные выдержки, а исходя из определенных принципов обращался к тем авторам, точки зрения которых считал приемлемыми и благодаря этому придавал завершенность и целостность своим лингвистическим взглядам.

Но прежде чем приступить к непосредственному изложению лингвистических воззрений Татеваци, кратко остановимся на его толкованиях трудов Аристакеся и Георга Скевраци.

После перевода на армянский язык "Грамматического искусства" Дионисия Фракийского (V в.), в течение многих столетий было написано множество толкований к данному памятнику греческой грамматической науки, среди которых, с точки зрения выражения явлений и закономерностей самого армянского языка, выделяются произведения Давида Керакана, Анонимного толкователя, Мовсеса Кертюга, Григора Магистроса, Вардана Аревелци и Ованеса Ерзынкаци.

Начиная с XI века, вследствие бурного расцвета "искусства письма", создаются также труды, которые преимущественно

носят практический характер. Задача, которую ставили перед собой их авторы, заключалась в том, чтобы сделать устойчивыми правила орфографии и пунктуации армянского языка. Среди этих произведений всеобщее признание и распространение получили работы Аристакеса "Анализ различных слов и глаголов...", Георга Скевраци "Наставление о порядке расположении слогов, что и является причиной переноса в искусстве письма", "Наставление о просодии", "Наставление об искусстве письма".

Преподавая "искусство письма" в качестве отдельной учебной дисциплины, Татеваци, по сути дела, с самого начала своей преподавательской деятельности использовал труды Аристакеса и Георга Скевраци в качестве учебных пособий или материала, однако толкования к ним написал лишь в 1408 г. во время пребывания в Мецопском монастыре. Сам Татеваци об этом пишет следующее: "В 857 году армянского летосчисления (1408 г.), прибыв в нашу страну Каджберуник и, проводив зиму в населенном ангелами Мецопском монастыре, прислуживая могилам святых вардапетов, [усердным] чтением извлек трудноразрешимые мысли книги Иова к его толкователей и кое-что из толкований Аристакеса и наставлений Георга об [искусстве] письма... и даровал их, в честь этого святого места, любознательным людям"⁴⁹.

Цель написания этих толкований отчасти проясняется из заглавия толкования труда Аристакеса: "Краткий анализ труднопонимаемых слов в книге ритора Аристакеса об искусстве письма". "Искусство письма" продолжало развиваться, между тем как труд Аристакеса, который в течение долгого времени служил практическим руководством для переписчиков, к этому времени уже стал труднодоступным вследствие сложности языка.

Таким образом, Татеваци пишет свои толкования, чтобы помочь писцам понять вышеупомянутые труды. Это обстоятельство и определило характер толкований Татеваци, как-то:

---

49. Памятные записи армянских рукописей XV века. Ч. I, с. 86.

детализация поставленных вопросов и их объяснений, перечисления, толкование словосочетаний и отдельных слов оригинала, что, однако, неправомерно квалифицировались как недостаток его работ⁵⁰.

Считаем нужным остановиться также на рассмотрении точки зрения, согласно которой толкования Татеваци почти ничего нового не приносят по сравнению с источниками. Так, по Л. Хачеряну, "если Аристакес и Скевраци в своих трудах преимущественно являются грамматиками, дают грамматический анализ каждого вопроса, то Татеваци в своих толкованиях, относящихся к "искусству письма" преимущественно выступает логиком-философом. По этой причине, если оставить в стороне повтор грамматических положений Аристакеса и Скевраци, то в его работах мало что останется от воззрений самого Татеваци. С такой меркой мы и оценивали его упомянутые произведения⁵¹.

Однако критический анализ толкований Татеваци показывает, что наряду с основной целью — сделать доступным труды упомянутых авторов, он вместе с тем ставит больше, по сравнению с источниками, теоретических вопросов, включая также многочисленные смежные вопросы. Кроме того, как правильно заметил в своем исследовании Г. Джаукян, Аристакес писал свой труд "не столько давая определения, сколько приводя обильные примеры, чтобы сделать его легкодоступным"⁵². Он отмечает также, что в своих объяснениях Аристакес "не употребляет соответствующие грамматические термины", хотя его языковые познания не вызывают сомнения⁵³. Между тем Татеваци в основном поступает наоборот, то есть делает больше обобщений, используя соответствующие термины.

В толкованиях Татеваци можно выделить три слоя:

---

50. Ср.: **Хачерян Л.** Языково-грамматическая теория "искусства письма" в средневековой Армении, с. 181.

51. Там же, с. 192—193.

52. **Джаукян Г.** Грамматические и орфографические труды в древней и средневековой Армении. Ереван, 1954, с. 232. На арм. яз.

53. Там же.

- а) объяснение слов;
- б) грамматические вопросы, определения;
- в) иносказательные (аллегорические) объяснения.

По нашему мнению, действительная значимость толкований Татеваци кроме того, что они, как уже было сказано, дали новую жизнь выходящим из обихода трудам, заключается в первых двух указанных слоях. Касаясь аллегорических объяснений, символики чисел вообще, затем обратившись к ним в связи с рассмотрением изложения "Книги проповедей", М. Абемян писал, что оно "не свободно от схоластических форм, перечислений и толкований, которые были необходимы и доставляли удовольствие людям его времени"⁵⁴, то есть указанные стилевые особенности обусловлены духом и мышлением эпохи, однако у Татеваци они также подвергаются переосмыслению: каждым аллегорическим объяснением он стремится продемонстрировать соразмерность, гармонию окружающего мира, подчеркнуть роль человеческого разума и мудрости, обнаружить имманентную связь между различными явлениями.

Приводим краткий сравнительный анализ труда Аристакеса и толкования Татеваци, выделяя привнесенные последним дополнения грамматического характера.

Начав толкование труда Аристакеса с самого названия, Татеваци прежде всего дает определение самого понятия "анализ": "**анализ**" есть вразумительное объяснение"⁵⁵. И так как речь идет о работе, относящейся к "искусству письма", то он разъясняет также, что такое письмо. Затем он периодически обращается к толкованию тех слов, правильное осмысление которых помогает понять труд Аристакеса:

գաղափարի	(gala ^c apare)	- копировать достоверно
վերստանել	(vertare ^l)	- приписывать и сделать явным, соотносится друг с другом

---

54. Абемян М. История дреднеармянской литературы, с. 557—558.

55. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 196 б.

յորջորջել	(yorjorjel)	- именовать, давать названия
հրահանգ	(hrahang)	- учение, наставление
սատար	(satar)	- посредник и помощник
բացերև	(bac^cerew)	- известный, явный
գլխագիր	(glxagir)	- начальный, заглавный
շաղաշարել	(šašašarel)	- упорядочить
արբիք	(^č rabbik)	- вардапеты ⁵⁶

и множество других слов, число которых в одном лишь сочинении Аристакеса достигает несколько десятков.

Что касается грамматических вопросов, то в толковании предисловия труда Аристакеса к ним относятся следующие: вместо словосочетания "слово и глагол" у Аристакеса Татеваци предлагает словосочетание "имя и глагол", то есть дает уточнение грамматического термина. Затем Татеваци говорит о значении слова, скрытого слога, о порядке правильного склонения некоторых слов в родительном падеже.

Толкование первого канона труда Аристакеса Татеваци начинает с объяснения слова **канон**, что также сообщает писцам сведения относительно цели и назначения работы: "Каноном называется порядок или направление"⁵⁷. Иными словами, работа написана для того, чтобы дать соответствующее направление. Затем он группирует приведенные слова соответственно их принадлежности к тем или иным частям речи: **"Итак, вот** — предлоги; **этот, это, тот** — местоимения, подобно тому как **я, ты, он, это, этот**"⁵⁸. Татеваци дает также определение слова **"բան"** — **ban** (предложение, суждение)⁵⁹.

В толковании второго канона Татеваци более сжато и доступно, чем Аристакес, объясняет случаи наличия в родительном падеже параллельных форм: "Когда пишешь род Анания (Անանիայ ազգն — Ananiay azgn), род Барнаба (Բարնաբայ ազգն — Baṛnabay azgn), то это то же самое, когда пишешь род

---

56. Там же, с. 196 б — 204 б.

57. Там же, с. 199 а.

58. Там же.

59. **Джаукян Г.** Указ. соч., с. 293.

Анания и Барнаба Անանիայի և Բարնաբայի ազգն — Ananiayi ew Barṅabayi azgn), так как одна буква յ (y) (в первом случае) замещает две буквы — յի (yi) во втором, [производя] сокращение, а эта, вторая [форма] — длинная"⁶⁰. Татеваци характеризует также значение именительного падежа: "В именительном падеже имя показывает собственное определяемое лицо"⁶¹.

При толковании третьего канона он делает замечания относительно чередования звуков в односложных словах⁶².

В толковании четвертого канона, продолжая говорить о чередовании звуков, Татеваци останавливается на альтернации "трех подобных" звуков **ի (i), ւ (w), յ (y)**. Это чередование звуков открытого слога. Он различает также чередование звуков закрытого слога, где "средняя буква изменяется"⁶³. В конце он делает вывод, согласно которому в косвенных формах слов, в отличие от прямой формы, может иметь место изменение звуков, их увеличение или уменьшение.

В толковании пятого канона Татеваци показывает связь притяжательных частиц и указательных местоимений: "А три буквы являются указательными — **դ (d), ն (n), ս (s)**, подобно тому как **это (դա-da), тот (նա-na), этот (սա-sa)**⁶⁴. Он предостерегает, чтобы не смешивались формы **կալ — kal** (быть: **հաստատուն կալ — hastatun kal**, быть твердым) и **կեալ — keal**, так как последнее "означает жизнь".

Так как шестой канон в основном представляет собой словник, поэтому Татеваци этимологизирует некоторые из включенных в него слов.

При толковании седьмого канона он отмечает, что приведенные Аристакесом примеры: **արքայ — arkʻay** (царь), **արքայից — arkʻayicʻ** (царя), **քահանայ — kʻahanay** (священник), **քահանայից — kʻahanayicʻ** (священника) и так далее являются нарицательными именами. С буквы յ (y) пишутся также неко-

---

60. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 199 б.

61. Там же.

62. **Джаукян Г.** Указ. соч., с. 295.

63. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 200 б.

64. Там же.

торые собственные имена: "Подобно этим [словам], существуют также собственные имена, которые начинаются с заглавной буквой, как, например, Адам (Ադամայ—Adamay), Андрей (Անդրեայ—Andreay) или же Ной (Նոյ—Noy)"⁶⁵. Он добавляет также, что посредством формы "царь царей" (աբրահամայից — ark^cay ark^cayic^c) в армянском языке образуется превосходная степень: "Смотри здесь и разумеи превосходную [степень], как, например, царь царей, владыка владык, князь князей"⁶⁶. Он считает ошибочной форму "князей князь" (հռիւսիւսաց հռիւսիւս—ի՛ջխանս ի՛ջխան).

В толковании восьмого канона Татеваци говорит о сложной структуре звука ր (ř), "потому что два ր (r) образуют одно ր (ř)"⁶⁷. Здесь же он ставит вопрос: "Где же имеют место изменения имен по падежам и глаголов?". На поставленный вопрос он отвечает, принимая существование двух типов склонения: предложного и с окончаниями⁶⁸.

При толковании девятого канона он вновь обращается к объяснению непонятных слов, обобщая также вышесказанное, а именно: "что означает писать слово с буквой յ (y) и без "յ"⁶⁹.

В толковании десятого канона Татеваци обстоятельно говорит о титуловом письме, отмечая при этом, что этот знак "первоначально предназначался для [написания] имен владык и богов", а все остальные слова стали писаться титулами в более поздние века: "У [первых] переводчиков они написаны не титулами, а просто, обычным образом"⁷⁰. И, как пишет Г. Джаукян, "это мнение подтверждают и новейшие исследования. Мейе нашел всего лишь пять слов, сохранившихся издревле с титуловым письмом"⁷¹.

Татеваци говорит также о значении именительного, родительного и творительного падежей⁷².

---

65. Там же, с. 201 б.

66. Там же.

67. Там же.

68. Об этом подробнее см.: **Джаукян Г.** Указ. соч., с. 293.

69. Там же, с. 295.

70. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 202 б.

71. **Джаукян Г.** Указ. соч., с. 296.

72. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 203 б.

В конце, адресуя свое слово читателям, Татеваци советует руководствоваться трудом Аристакеса как орфографическим словарем: "Опять-таки, знай, о читатель, и обрати внимание на различные слова, запомни как они написаны, подобным же образом пиши и сам в именительном и косвенных падежах... А то, что не сможешь припомнить, [об этом] смотри в словаре и толкованиях слов"⁷³.

Кроме того, он показывает какие отрывки десятого канона труда Аристакеса принадлежат автору, а какие извлечены из сочинения Георга Ламбронаци.

По поводу толкования труда Георга Скевраци необходимо отметить, что и в этом случае Татеваци дает объяснения, которые позволяют правильно понять труд Скевраци. С другой стороны, так как по свидетельству самого Скевраци⁷⁴, он пользовался работой Аристакеса, поэтому Татеваци не считает нужным вновь обратиться к уже комментированным вопросам. Он особенно не углубляется и в толкование тех частей, которые обстоятельно и доступно интерпретированы со стороны Скевраци. Тем не менее, он делает ряд дополнений и теоретических обобщений.

Две работы Скевраци — "Наставление о порядке расположения слогов, что и является причиной переноса в "искусстве письма", "Наставление о просодии" — Татеваци исследует в одном толковании, разбив все материалы по пунктам. И так как речь идет и о письменах, а по мнению Татеваци, обладание письменностью является наиценнейшей привилегией человека (эту мысль он неоднократно подчеркивает и в других своих сочинениях), поэтому, пользуясь случаем, он еще раз превозносит человека и человеческий разум. Этим объясняется то обстоятельство, что особенно в этом толковании содержится большое количество аллегорических объяснений, многочис-

---

73. Там же.

74. Скевраци отмечает, что те вопросы (перенос слов, просодия, пунктуация), о которых Аристакес лишь намекает в предисловии к своей работе, нуждаются в обстоятельном раскрытии и объяснении, что он и предпринимает, дополняя теорию "искусства письма".

ленные параллели, которые призваны подчеркнуть также наличие содержательной связи между творениями рук человеческих и окружающим миром.

В упомянутом толковании лингвистические вопросы в общих чертах сводятся к следующему. Татеваци подробно говорит об "инструментах (органах) звука", участвующих в артикуляции, внешней форме изображении буквенных знаков, о значении изобретения алфавита в жизни человека.

Он устанавливает связь между линией, письмом и буквой с одной стороны, и буквой, слогом, словом, мыслью, познанием — с другой.

Татеваци приводит как философское, так и грамматическое подразделение частей речи.

Касаясь правописания букв **ḡ** (e) и **ḡ** (ē), Татеваци с целью избежания ошибок и уточнения правописания слов предлагает провести проверку путем их склонения.

Далее, он резюмирует сказанное о переносе слов, добавляя, что нельзя переносить как односложные слова, так и "односложную букву", например, **ḡ** (ē), **ḡ** (i), **ḡ** (o). Для того, чтобы не нарушить правила переноса, он считает уместным или оставить промежуток между буквами, словами или же писать плотно, убористо, чтобы "слово поместилось" в строке⁷⁵.

Так как работа Татеваци предназначалась для оказания практической помощи писцам, он считает необходимым дать соответствующие разъяснения относительно соблюдения полей, значения страницы, строки. Он касается также трех видов заглавных букв, употребляемых армянскими книжниками (украшенные буквы, написанные железным пером, обычные), которые включают "различные изображения птиц, человека, быка и льва"⁷⁶ и запечатлеваются посредством четырех цветов: золотистого, голубого, черного и красного.

И наконец, так как толкование Татеваци "Вновь наставление... об искусстве письма" относится к небольшой работе Скевраци "Наставление письму...", то поэтому оно является и самым

---

75. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 209 а.

76. Там же, с. 208 а.

кратким среди других работ подобного рода. Кроме того, объем обусловлен и тем, что данная работа Скевраци не привносит почти никакой теоретической новизны ни по сравнению с трудом Аристакеса, ни с его же двумя предыдущими трудами⁷⁷. Поэтому Татеваци дает лишь беглые указания, советуя пользоваться также книгой Аристакеса, так как в ней эти вопросы рассмотрены более подробно и пространно: "Смотри также в Словник. Таким же образом об употреблении буквы Ј (у) в именах людей и названиях городов было сказано вначале в десяти главах"⁷⁸.

Оценивая "искусство письма", Татеваци совершенно справедливо видит его теоретические основы в "грамматическом искусстве", ибо "искусству письма в первую очередь мы учимся у грамматиков, а затем — у переводчиков"⁷⁹. Действительно, преследуя сугубо практические цели, он вместе с тем создает свою теорию "искусства письма" на основе установленных грамматиками канонов. Вот что пишет по этому поводу Г. Джаукян: "Работы по искусству письма содержат достаточно сведений о различных грамматических вопросах. Так как их целью было обучить писцов искусству безошибочного письма, то они и не могли ограничиваться передачей сугубо технических и практических знаний, а должны были дать и необходимую теоретическую подготовку, чтобы ориентироваться в вопросах грамматики и правописания (орфографии), разумеется, насколько это позволял уровень грамматических знаний эпохи"⁸⁰.

Таким образом, преследуя в основном цель сделать доступными труды Аристакеса и Скевраци, Татеваци дает необходимые толкования, одновременно присовокупляя многочисленные соображения и методические указания,

---

77. Так как задачей настоящего исследования является анализ толкований Татеваци, поэтому мы не сочли целесообразным распространяться о трудах Аристакеса и Скевраци, тем более, что они по достоинству оценены в упомянутой работе Г. Джаукяна (с. 240).

78. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 212 б.

79. Там же, с. 211 б.

80. **Джаукян Г.** Указ. соч., с. 230.

которые вкупе с грамматическими вопросами, содержащимися в других его произведениях, позволяют говорить об определенном образом систематизированных лингвистических взглядах.

Отметим также, что кроме толкований трудов Аристакеса и Георга Скевраци, Татеваци не оставил самостоятельных работ по вопросам языка. В остальных своих произведениях он обращается к языковым вопросам в связи с рассмотрением других, самых различных проблем. Эти вопросы иногда сопряжены с его логическими и философскими, а в некоторых случаях даже политическими взглядами.

2.2. Общеоретические вопросы

Вопросам языка посвящены отдельные разделы ряда трудов Татеваци с соответствующими названиями: "Книга вопрошений" ("О языках"), "Толкование Псалмов" ("О языке и переписчике"), "Книга проповедей" ("Вновь проповедь о языке").

Подобно философским, экономическим, педагогическим взглядам лингвистические взгляды Татеваци выделяются разнообразием охватываемых вопросов. Он ставит множество вопросов, касающихся природы артикуляционных органов, письменных знаков, кинесических знаков, морфологии, синтаксиса, стилистики и так далее.

Представляет несомненный интерес рассмотрение Татеваци общеоретических вопросов, относящихся не только к явлениям армянского языка. Он пытается объяснить также, что такое язык вообще, какова его роль, какова связь между языком и мышлением. Эти общеоретические вопросы, в первую очередь, связаны с его философскими взглядами. Еще в 1371 г. переписывая работу Варфоломея Марагаци (или Болонского) "О Шестодневе", Татеваци обратил внимание на некоторые положения автора, которые он впоследствии использовал в своих сочинениях. В частности, в "Книге вопрошений", говоря о прямоходящей походке человека, которой обусловлена и его речевая способность, Татеваци своеобразно представляет эту точку зрения,

обобщая на основе многочисленных других примеров свои аргументы о различии человека и животного мира. "Человек,— пишет он,— является царем и господином над всеми животными, вследствие чего все животные имеют низко опущенную голову, как слуги и подданные, а человек имеет вертикальную [походку] как у азата и царя..., ибо животные довольствуются только пищей и желанием, а человек удовлетворяется больше красотой восприятия, когда видит глазами небо и землю и собирает истинные знания..... Ибо, если [человек] имел бы опущенную голову подобно другим животным, то появилась бы помеха для ощущений и оскудение знаний... Голова [человека] имеет вертикальное положение, дабы язык и руки служили мышлению и труду. Ибо, если человек имел бы опущенную голову и обе руки его покоились на земле, он не смог бы трудиться. И ему нужны были бы удлиненный язык и утолщенные губы, чтобы собирать пищу, но тогда [язык] не смог бы служить разуму как теперь"⁸¹.

Татеваци часто приводит в качестве примера руку и язык, первое рассматривая как орудие построения мира, а второе — мысли. Язык в этой своей функции, то есть как орудие для прислуживания мысли, называется "словом". "Язык у нас называется словом, так как является орудием разума"⁸². Он отмечает также, что слово "язык" имеет несколько значений: языком называется и речь (письменная и устная), и мысль, и орган языка, а иногда и проповедник. "Язык,— пишет он,— является орудием и пером разума"⁸³. Далее: "Язык есть маленький орган, [однако] выражает величественные мысли"⁸⁴; "Переводчиком души является язык"⁸⁵; "И надобно знать, что языком иногда именуется проповедник"⁸⁶.

---

81. **Григор Татеваци.** Книга вопрошений, с. 232. О мировоззренческом и философском значении данного отрывка подробнее см.: **Аревшатян С. С.** Философские взгляды Григора Татеваци. Ереван, 1957, с. 126—127.

82. **Григор Татеваци.** Книга проповедей. Летний том, с. 218.

83. Там же, с. 225.

84. Там же, с. 226.

85. **Григор Татеваци.** Толкование Евангелия от Матфея // Матенадаран им. Маштоца, рукопись N 1264, с. 160 б.

86. **Григор Татеваци.** Толкование Псалмов // Матенадаран им. Маштоца, рук. N 5869, с. 71 б.

Предвосхитив основные различия между человеческим обществом и животным миром, Татеваци в то же время отмечает и ту огромную роль, которую играет язык в жизни общества и благодаря чему человек отличается от животного: "При помощи языка мы говорим друг с другом и тайные мысли души выражаем посредством языка; выражаем свои нужды, просим необходимое; созидание и разрушение, куплю и продажу — все это совершаем посредством языка... Языком и мудростью [люди] отличаются от бессловесных [животных]; мы господствуем, повелеваем и царствуем, отправляемся из одной страны в другую, переплываем моря, путешествуем и благодаря языку добываем нужное нам"⁸⁷.

Одновременно Татеваци определяет язык как существенный признак, различающий народы друг от друга: "И язык называется границей, которая разделяет друг от друга все народы, [ибо] подобно стене и [межевым] знакам устанавливают границы [между ними]... И вновь, подобно тому, как граница указывает на [наличие] различных народов, точно так же и язык удостоверяет каждый народ"⁸⁸.

Говоря о языках народов мира, Татеваци касается также вопроса их происхождения, следуя в этом вопросе учению Вардана Аревелци и Ованеса Ерзынкаци. Он перечисляет зафиксированные Аревелци 72 языка, отдельно перечисляя те народы, которые имеют письменность. "А народ, имеющий свою письменность и пользующийся алфавитом, является отдельным народом. К ним относятся евреи, халдеи, ассирийцы, персы, мары, индийцы, финикийцы, римляне, то есть испанцы. А некоторые арабский и македонский [языки] считают еврейским, а другая часть — нет. А иберы и [кавказские] албанцы не обладают совершенной, самобытной письменностью, а взяли ее у армян, подобно тому, как ассирийцы и исмаильтяне [взяли письмена] у евреев"⁸⁹.

Подобно Вардану Аревелци, Татеваци рассматривает "вави-

---

87. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 221.

88. Григор Татеваци. Книга вопрошений, с. 298.

89. Там же, с. 299.

лонское наказание" и в аспекте его позитивного значения. В этом вопросе он использует также мнение Ованеса Ерзынкаци⁹⁰: "Из одного грубого халдейского языка смешались и возникли различные [языки]..., ибо, хотя раздробление единого языка на многие и кажется наказанием, однако оно оказалось и полезным. Во-первых, для красоты языка, ибо как один цвет украшается другим цветом и одно искусство — другим искусством, точно так же [один] язык [посредством] другого языка делается прекраснее в слове. Во-вторых, [полезно] для [выявления] этимологии слов"⁹¹.

Следуя Аревелци, он считает, что первоначальный праязык сохранился у еберов: "И что является языком Адама? Скажем — халдей, то есть араб, который остался у еберов и не смешался"⁹². Слово "Եբեր" — **eber** он этимологизирует как "приносящий" первый язык ("первый язык он принес"⁹³).

Чтобы не возникло беспорядка, по Татеваци, человек дает наименования всем вещам и явлениям. В этом вопросе он придерживается мнения Давида Керакана, который признает три вида этимологии: согласно вещи, согласно искусству и согласно звуку⁹⁴. Татеваци подвергает это подразделение частичным коррективам и использует для характеристики не этимологии, а принципов наименования. По сравнению с Давидом он значительно расширяет и список приводимых примеров⁹⁵.

И, вообще, необходимость наименования он мотивирует следующим образом. Во-первых, одного лишь имени достаточно, чтобы человек в своей мысли из всех вещей различил бы предмет слова (мысли): "Всякой вещи необходимо наименование, ибо, прежде всего, с помощью имени вещь существует в нашем разуме"⁹⁶. Кроме того, имя дает краткое

---

90. Ср.: **Джаукян Г.** Указ. соч., с. 250 и 264.

91. **Григор Татеваци.** Книга вопрошений, с. 297.

92. Там же, с. 298.

93. Там же, с. 299.

94. См.: **Джаукян Г.** Указ. соч., с. 133.

95. **Григор Татеваци.** Книга вопрошений, с. 220.

96. Там же, с. 219.

сведение о предмете мысли: "Имя есть краткое определение, выражающее природу подлежащей вещи"⁹⁷.

Между тем определение дает также характеристику существенных признаков предмета мысли: "Все существующее познается [посредством] имени или определения, однако определением в большей мере чем именем. Так, когда говорим: что такое человек и если отвечаем [согласно] имени, то не знаем о каком человеке [говорится] — живом или начертанном (изображенном). А когда говорим согласно определению — живое, разумное, смертное [существо], способное к размышлению и наукам — вот и стал человек более определенным"⁹⁸.

Хотя Татеваци в данном случае подчеркивает преимущество определения, однако он не умаляет значение и имени. В "Книге вопрошений" он дополняет эту характеристику следующим образом: "Все что существует, познается [посредством] имени или определения и имя известно само по себе"⁹⁹.

Подобно Ованесу Ерзынкаци, он принимает, что человек обладает способностью давать наименования вещам, "ибо [Бог] изъявил желание дабы человек был самовластным, поэтому повелел ему дать наименования, какие пожелает"¹⁰⁰. Однако, как известно, согласно Ованесу Ерзынкаци, наименования даются согласно "природе". Татеваци не согласен с этой точкой зрения. По его мнению "имя не по природе, [иначе] не менялось бы"¹⁰¹.

Татеваци особо выделяет ряд явлений, имеющие особое значение в жизни человека, о которых он говорит сравнительно пространно и часто подчеркивает их роль. К числу таких явлений относится наличие письменности. Он многократно отвечает на вопрос: "почему человек стал нуждаться в письменах?" В первую очередь, отмечает он, письмо является средством приобретения знаний, ибо "с помощью письма и речи, то есть посредством чтения и слушания мы собираем знания... Кроме того, известно,

---

97. Там же.

98. **Григор Татеваци.** Книга проповедей. Летний том, с. 165. С подобной характеристикой имени и определения впоследствии встречаемся в работе Давида Зейтунци "Толкование грамматики" / Подг. и изд. Е. Мелконян. Ереван, 1981, с. 97.

99. **Григор Татеваци.** Книга вопрошений, с. 140.

100. Там же, с. 219.

101. **Григор Татеваци.** Книга проповедей. Летний том, с. 682.

что письмо способствует приобретению знаний"¹⁰². Абстрагирования мысли человек достигает посредством как устного, так и письменного (в данном случае — письма) слова: "материальная мысль посредством вещества достигает нематериального"¹⁰³.

Он не только отмечает всю пользу от обладания письменностью ("от письма рождаются мысль и слово на пользу людям"¹⁰⁴), но и подчеркивает ее значение как средства общения и борьбы ("с далекими и ненавистными [людьми] мы общаемся при помощи письма"¹⁰⁵).

Главная роль письма — в освидетельствовании истории. Устное слово преходяще: "Слово уходит, а письмо остается"¹⁰⁶. Вещественных следов не оставляет и время, ибо "прошедшее время утеряно, будущего пока нет, а настоящее скоро пройдет"¹⁰⁷. В этом смысле письменные памятники прошлого становятся средством спасения памяти человечества, поэтому "из-за [опасности] забвения мы пишем"¹⁰⁸.

Татеваци отмечает, что одна из причин происходящих в языке изменений (в данном случае речь идет о письменном языке) — время, так как "язык прежде всего изменяется в течение времени"¹⁰⁹.

---

102. Там же, с. 143.

103. Там же, с. 131.

104. **Григор Татеваци.** Толкование от Матфея, с. 24 б.

105. **Григор Татеваци.** Толкование Псалмов // Матенадаран им. Маштоца, рук. N 5869, с. 80 а.

106. Там же.

107. Там же, с. 67 б.

108. Там же, с. 80 а.

109. **Григор Татеваци.** Книга вопрошений, с. 742. В связи с этой мыслью мы хотим отметить следующее: Э. Агаян пишет, что Татеваци правильно различает язык как орган и как речь, однако считает ошибочным его мнение о том, что "язык никто не может изменить, ни тиран, ни князь, а только Бог, который даровал его" (История армянского языкознания. Т. 1. Ереван, 1958, с. 77. На арм. яз.). Между тем нам представляется, что в высказывании Татеваци речь идет не об изменениях в языке, а о его границах, что в данном случае отождествляется с различными видами языков: "И кроме того, так как определение не подлежит изменению, как, например, определение человека, лошади и так далее, точно так же и это определение языка никто не может изменить: ни тиран, ни князь, а только Бог, который даровал его. А когда он изменяется, т. е. в загробной жизни, тогда мы говорим на языке ангелов, а не на языке Адама, как утверждают некоторые" (там же, с. 298).

Даже различие в форме письма (слева направо или справа налево), по его мнению, определяет некоторые особенности, характерные для различных народов. На вопрос "почему различные народы пишут "вовнутрь", к нам, а христиане "во вне", от нас. И это по двум причинам. Во-первых, другие народы пишут "вовнутрь", полагая, что этим мол мудрость мира привносим в себя. А мы [пишем] во вне, полагая, что обладаем мудростью души и других обучаем этому"¹¹⁰.

Путем проведения параллелей между письмом и языком он говорит о различиях и сходствах письменного и устного слова. Орудием первого он считает руку, а второго — язык, именуя их "два внешних писца (пера)"¹¹¹. Для обоих общим является то, что оба служат "произносимому слову", различие же кроется в средствах реализации. Первый пишет "на бумаге и вещественном материале" и обучает "глазами", второй — "через воздух и слуховые способности человека" и "обучает слухом"¹¹².

Иногда устное и письменное слово он обобщает названием "րիւրիւրիւր — речь, язык": "Речь иногда воспринимается ухом, а иногда — глазами, [если] написана на бумаге"¹¹³. Однако в многочисленных других примерах можно заметить, что под этим он в основном подразумевает устное слово. "Речь — это то, когда слово идет от сердца к языку и оттуда входит в наше ухо"¹¹⁴, — пишет Татеваци. Или: "Мысль и звук в совокупности называются речью"¹¹⁵.

Письменное слово он характеризует следующим образом: "Мысль наша является бестелесной, так как не воспринимается ни зрением, ни осязанием, а написанная на бумаге, становится видимой и осязаемой"¹¹⁶. В письменном слове мысль получает

---

110. **Григор Татеваци**. Толкование притчей // Матенадаран им. Маштоца, рук. N 5869, с. 80 а.

111. Там же.

112. Там же.

113. **Григор Татеваци**. Книга проповедей. Зимний том. Константинополь, 1740, с. 104. На древнеарм. яз.

114. Там же.

115. **Григор Татеваци**. Толкование притчей, с. 36 б.

116. **Григор Татеваци**. Книга проповедей. Зимний том, с. 35.

материальное воплощение: "Написанное слово неотделимо от письма, потому что мы называем письмо словом, а слово — письмом... Из трех вещей несмешанным соединением образовано письмо, то есть мысли, материала и формы"¹¹⁷.

Таким образом, согласно Татеваци мысль реализуется посредством устного или письменного слова. При этом он иногда отождествляет мысль с устным словом ("Речь — это та же самая мысль, которая [находясь] в сердце, является бестелесной, а при помощи языка становится речью и слышимой нами"¹¹⁸, а иногда с письменным ("письмо называем мыслью, а мысль — письмом"). В генеалогическом плане первенство, разумеется, принадлежит устному слову, ибо именно рука следует за мыслью: "Речь (слово) наша имеет два родителя, один — мысль, и другой — рука"¹¹⁹, "мысль, зародившаяся в душе, посредством внешнего воздуха произносится языком и неодушевленным воздухом рука движется и пишет"¹²⁰, "мысль наша сначала рождается в разуме и только потом изображается на бумаге"¹²¹.

Татеваци отмечает также большую доступность для народа устного слова по сравнению с письменным: "Письмо доступно немногим, а слово — многим людям"¹²². А почему тем не менее необходимы письменные памятники? На это он отвечает, вновь проявляя заботу о грядущих поколениях, а именно: "ради детей и грядущих поколений"¹²³.

Татеваци довольно подробно анализирует также связь, существующую между мышлением и языком. Анализируя физиологическую сторону мышления, он выдвигает мысль о том, что мышление осуществляется тремя частями головного мозга¹²⁴:

---

117. Там же.

118. Там же, с. 103.

119. Там же, с. 35.

120. **Григор Татеваци.** Толкование притчей, с. 80 а.

121. **Григор Татеваци.** Книга проповедей. Зимний том, с. 35.

122. **Григор Татеваци.** Толкование от Матфея, с. 20 а—20 б.

123. Там же.

124. Оставляя в стороне вопрос о том, насколько научна в своих деталях эта точка зрения, необходимо отметить, что подобная постановка вопроса сама по себе уже примечательна.

чувственной — первой выемкой лба, разумной (познавательной) — средней, относящейся к памяти — последней. "Местом и орудием мышления в основном является мозг, который делится на три части: простые ощущения (чувствование), разумную и память. Ощущения находятся в первой выемке лба, разумное — в средней, а память — в последней"¹²⁵.

Различая эти три ступени мышления, Татеваци к первой относит ощущение, воображение и мнение, ко второй — рассуждение, к третьей — память. Их он называет "силами (возможностями) мышления". Они соотносятся друг с другом постепенным усложнением. **Первая** выемка — "подобна тому, как в светских канцеляриях царские писцы спрашивают по одному и записывают все на бумагу"; **вторая** — "является высшим советником, подобно царскому везиру и разумным светом видит все правильно и знает, и рассуждает, и распознает. Это и есть высшее, по сравнению со всем тем, о чем было сказано в начале познание, ибо благодаря ему познается не только настоящее, но и будущее"¹²⁶. **Третья** — является кладовой мысли и памяти "так как в нее поступает знание всех вещей и накапливается. Таким образом последняя выемка называется мыслью и памятью, так как все то, что входит и собирается в ней называется мыслью и так как она вновь вспоминает и воспроизводит, то называется памятью"¹²⁷. А каким образом "эта третья выемка лба" накапливает мысль и память? Татеваци объясняет это следующим образом. Существуют два уха — внешнее и внутреннее. Первое — это ухо как орган, который имеет две двери: "мысль входит через одну [дверь] и через другую выходит и не удерживается"¹²⁸. Внутреннее ухо имеет одну дверь — "слух и когда [оно] слышит, то ведет мысль и собирает, что мы и называем памятью и мыслью"¹²⁹.

Татеваци усматривает наличие связи между реальной

---

125. **Григор Татеваци**. Книга проповедей. Зимний том, с. 189.

126. Там же, с. 190.

127. Там же.

128. **Григор Татеваци**. Книга проповедей. Летний том, с. 448.

129. Там же.

действительностью, мышлением и языком. При этом он представляет это, с одной стороны, как связь, существующую между действительностью и мыслью, а с другой стороны — между мыслью и языком. Так как источником и основой мысли является действительность, поэтому он не ставит под вопрос существование того, что не существует в человеческих знаниях. Действительность может постоянно порождать новые факты и в этом случае "так как все то, что недоступно для нашей мысли [в данный момент], то при виде такого дела мы направляем мысль к тому, что вызвало удивление"¹³⁰ (что, разумеется, может получить свое языковое выражение).

Татеваци приводит многочисленные примеры, на которых иллюстрирует связь между действительностью и мыслью, мыслью и языком. Особенно интересна так называемая "теория зеркала" (название предлагаем мы — С. Г.), согласно которой мысль уподобляется зеркалу. Суть этой теории сводится к следующему:

1. Подобно тому как зеркало правильно отражает в себе вещи, точно так же и человеческая мысль адекватно отражает действительность: "Как зеркало отчетливо отображает в себе образы вещей, какие только окажутся [перед ним], так и разум отчетливо отражает в себе все познаваемое"¹³¹.

2. Зеркало отражает все, однако ни один образ в нем не смешивается с другим. Точно так же и разум, отражая многообразную действительность, ничего не смешивает. "Как зеркало может принимать в себя образы всевозможных [вещей], не пресыщаясь и не смешивая их друг с другом, так и разум принимает всевозможные и разнообразные знания и все это в целостности усваивает внутри себя, ибо понятия не перемешиваются друг с другом"¹³². При рассмотрении же соотношения

---

130. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 273.

131. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 444.

132. Там же. Татеваци продолжает эти параллели по многим пунктам, однако в остальных фрагментах речь идет уже о субъективной стороне мироприятия, в соответствии с умственным развитием. Так, например, "как зеркало в соответствии со своими размерами отражает вещь большой и маленькой, так и разум в соответствии со своей познавательной способностью [отражает] познаваемое в большей или меньшей мере" (там же).

мышления и языка заметно, что Татеваци преимущество отдает в основном мышлению ("Источником [языка] является сама разумная мысль, которая всегда и непрестанно производит понятие и мудрость"¹³³; "Чрево разума рождает понятия, и питает язык"¹³⁴ и так далее), однако иногда он отождествляет их, а в редких случаях отмечает также самостоятельность языка.

В первом случае рассматривая разум в качестве источника языка ("разум является источником языка"¹³⁵), он отмечает, что "ban" (предложение, суждение) сперва рождается в разуме, затем воспроизводится посредством языка ("понятие (мысль) рождается в разуме, доходит до сердце, а затем — до органа языка"¹³⁶). И так как значение предложения и суждения выражается им одним и тем же термином "ban", а также четко не разграничиваются язык и слово (речь), поэтому эти понятия он иногда использует как идентичные. Так, в одном случае "слово является переводчиком мысли и понятий: слово есть воспроизведенная мысль"¹³⁷, в другом случае — "речь (слово), которой мы говорим"¹³⁸. Если в первом случае средством воспроизведения мысли служит слово, то в следующем утверждении — язык ("Язык есть один из многих органов и он укреплен во рту и он говорит и воспроизводит внутренний смысл"¹³⁹).

Во втором случае Татеваци, обусловленные мышлением явления, иногда приписывает языку. Он различает добрые и злые функции языка: "Язык говорит о различных вещах: или добрых или злых"¹⁴⁰. В первом случае "множество благ происходит от языка — духовных и телесных"¹⁴¹. Это в значи-

---

133. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 233.

134. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 276.

135. Там же, с. 340.

136. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 103.

137. Григор Татеваци. Книга, называемая Златым Чревым. Константинополь, 1746, с. 135. На арм. яз.

138. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 422.

139. Там же.

140. Григор Татеваци. Толкование притчей, с. 80 а.

141. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 220.

тельной степени обусловлено, по его мнению тем, что мысль предводительствует языку: "Является мудростью, когда сначала разум направляется к мысли, а затем язык следует за ним, подобно тому как сначала шествует свеча, а затем — человек. Тогда он не заблуждается"¹⁴². В противном случае происходит обратное, ибо "если язык опережает разум, то ошибается по невежеству и попадает в западню"¹⁴³. От этого происходят злые действия языка: ложь, пустословие, обман, сплетни, предательство и так далее, которые более всего достойны осуждения. "Но язык и рот, [наполненный] злословием, является более гнусным и отвратительным, чем все то, что существует в мире; принятие пищи немытыми руками не развращает человека, но всякое зло, которое исходит из рта, портит человека"¹⁴⁴. В подтверждение он приводит мнение и других авторитетов. Так, "как говорит апостол, все звери и животные покорны человеку, но злой язык никто не может покорить"¹⁴⁵. Все это он приписывает также природе языка: "Язык легко соскальзывает и ошибается... спесиво изрекает и не боится, находясь во рту как в крепости"¹⁴⁶. Поэтому он советует, "как серебро семь раз очищать и потом говорить. **Тогда люди склонятся перед прекрасной речью.** Но если речь не проходит такого очищения и говорят то, что приходит на язык, то от этого бывает всякий вред и злоухищрения"¹⁴⁷.

В этих рассуждениях, несмотря на отождествление мышления и языка, в первую очередь необходимо оценить, конечно, подчеркивание связи между ними. Во-вторых, он, хотя и в отрицательном смысле, тем не менее отмечает также самостоятельность языка ("язык предшествует разуму").

Таким образом, хотя в рассуждениях Татеваци иногда

---

142. Там же, с. 406.

143. Там же.

144. Там же, с. 225.

145. Там же, с. 220.

146. Там же.

147. Там же.

проявляется отождествление логических и грамматических терминов¹⁴⁸, мышления и языка, однако, вместе с тем он рассматривает язык прежде всего как средство мышления. Эту мысль, как мы могли убедиться, он подтверждает многочисленными примерами. Приведенные формулировки дали возможность автору в конечном счете охарактеризовать связь мышления и языка посредством формулировки "чрево разума порождает мысли и питает язык".

2.3. Замечания относительно письменных знаков, кинесических знаков, фонетики

При освещении общих лингвистических взглядов Татеваци мы отметили, что он отчетливо различает письменное и устное слово, в характеристике которого содержится различие письменных и звуковых средств.

Отношение письма и буквы Татеваци представляет следующим образом. В одном случае он рассматривает букву как наименование письма: "Письмо это то, что написано (начертано); буква это то, что является наименованием письма, как, [например, когда] говорим а"¹⁴⁹. Во-втором, он показывает постепенный переход от неоформленного письма (согласно ему — линии) до его оформления (письмо) и наименования (буква), "Некоторые,— пишет он,— называют букву душой, а письмо телом. Но я утверждаю: линия — когда кончик пера чертит на бумаге, письмо — когда скоблит поверхность [бумаги] и, наконец, буква — когда оформляется круглое письмо"¹⁵⁰.

Он соглашается также с точкой зрения толкователей "Ис-

---

148. Об этом Г. Джаукян пишет: "Для Григора Татеваци грамматика и логика тесно переплетаются, грамматические понятия отождествляются с логическими". Причина этого, согласно автору, заключается в том, что "в основе его взглядов на грамматику лежат те места сочинений Аристотеля "Категории" и "Об истолковании", термины которых совпадают с грамматическими терминами (см.: **Джаукян Г.** Указ. соч., с. 293).

149. **Григор Татеваци.** Книга вопрошений, с. 177.

150. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 205 б.

кусства грамматики" Дионисия Фракийского, согласно которой буква для слова то же самое, что и элемент — для мира: "И называется буквой подобно элементу мира. Во-первых, потому что всякая мысль, дело, наименование, сущность состоит [из них], как элементов. Во-вторых, подобно тому, как из смешения четырех стихий возникают тела, так и из смешения гласных и согласных, толстых и тонких [букв] образуются слова и суждения"¹⁵¹.

Татеваци в основном правильно представляет свойства письменных и звуковых средств выражения. Для первых он отмечает "видимость и осязаемость"¹⁵². Средствами реализации выступают, с одной стороны, рука, с другой — чернила, бумага и форма самих письмен: "Письмо образуется из соединения трех [вещей] — мысли, чернил и бумаги"¹⁵³, "из несмешанного соединения трех [вещей] образуется письмо, то есть мысли, материалы и формы"¹⁵⁴.

Рассуждая о внешнем оформлении письменных знаков, Татеваци отмечает, что они могут быть весьма разнообразными, ибо "письмена имеют форму длинную и короткую, прямую и искривленную, круглую, треугольную, четырехугольную форму и т. д."¹⁵⁵. При этом он замечает, что для этих форм существует одна единица измерения, которая не присуща в отдельности ни линии, ни поверхности, ни телу: "Опять-таки, [письмо] имеет сокровенные знаки, которые [не обладают] ни глубиной, ни длиной, ни шириной; а линия [обладает] лишь длиной, а поверхность — шириной, а тело выступает как глубина. Таким образом, ясно, что письмо имеет всякую форму"¹⁵⁶.

Если письменам свойственно, в первую очередь, быть воспринимаемыми для зрения, то звуки воспринимаются "органами

---

151. Там же.

152. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 35.

153. Григор Татеваци. Толкование от Матфея, с. 24 б.

154. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 35.

155. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 206 а.

156. Там же.

слуха человека"¹⁵⁷. Татеваци проявляет глубокие познания относительно голоса — важных компонентов артикуляции звуков: роли голоса, его физических свойств, артикуляционных органов.

Учитывая ту важную роль, какую играет воздух в артикуляции звуков, Татеваци в ряду "голосовых" (то есть артикуляционных) инструментов упоминает и воздух: "Существует семь голосовых инструментов, то есть легкое, дыхательное горло, язычок, рот, язык, зубы, губы и восьмой — воздух"¹⁵⁸. Через воздух звук доходит до слуховых органов: "языком столкнувшись с воздухом звук достигает слуховых органов и остается там, и бестелесное слово находит пристанище в разуме слушающих"¹⁵⁹. Интересно также и следующее его замечание: "Человек, находящийся в отдалении, неясно слышит не звук, произносимый ртом, а звук сотрясаемого воздуха"¹⁶⁰. Он предупреждает, чтобы не путали звук и слово, потому что не всякий издаваемый звук может считаться словом, если он еще не является результатом выражения мысли, ибо "бестелесное слово является порождением разума, а звук есть движение воздуха, [возникшее] от столкновения голосовых инструментов и воздуха"¹⁶¹.

Челюсть как орган, участвующий в артикуляции звуков, Татеваци считает "прислужником слова"¹⁶². Он особо подчеркивает роль языка, который "говорит и выражает внутренний смысл"¹⁶³.

Следуя Аристотелю и Давиду, Татеваци считает человеческий голос членораздельным, причину чего он приписывает звукам, модуляции голоса: "Почему человеческий голос является членораздельным? Во-первых, потому что слово и звук сопряжены в человеке. Во-вторых, потому что голос

---

157. **Григор Татеваци.** Толкование Псалмов, с. 80 а.

158. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 204 б.

159. **Григор Татеваци.** Книга вопрошений, с. 230.

160. Там же, с. 131.

161. Там же, с. 230.

162. **Григор Татеваци.** Толкование от Матфея, с. 258 а.

163. **Григор Татеваци.** Книга проповедей. Летний том, с. 422.

расчленяется на звуки. В-третьих, так как голос поднимается и опускается, чего нет у животных"¹⁶⁴.

Татеваци различает четыре вида звуков согласно признакам членораздельности и осмысленности и в этом плане правильно противопоставляя человеческий голос звукам, издаваемым животными. "Надобно знать, — пишет он, — что звук делится на четыре вида. Один — нечленораздельный и лишенный значения, как [звуки, издаваемые] неодоушевленными [предметами]; второй — нечленораздельный и обладающий значением, как [звуки], издаваемые животными; третий — членораздельный и лишенный значения как у **yakindap`ös**¹⁶⁵; четвертый — членораздельный и обладающий значением, как человеческая речь"¹⁶⁶.

В толковании труда Георга Скевраци Татеваци, следуя ему для обозначения гласных и согласных звуков употребляет понятия "гласный" и "безгласный", первый называя душой, а второй — телом. "Надобно знать, — пишет он, — что звуки делятся на гласные и безгласные. Гласный [звук] представляет собой душу, а безгласный — тело"¹⁶⁷. Однако, в отличие от Скевраци, он к числу гласных добавляет также **ov**: "Надобно знать, что существует семь гласных и сверх того, восьмой гласный — большое **ov**"¹⁶⁸. Из гласных он выделяет **ē, i, o** как "односложные письма", которые, подобно односложным словам, не переносятся: "Односложное письмо, взятое в отдельности, не переносится, как, например, **ē, i, o** как и односложные слова — **ayr** (мужчина), **mard** (человек), **ezn** (вол), **gañ** (агнец)"¹⁶⁹.

Татеваци подробно не рассматривает согласные, отмечая лишь, что "два **г** образует одно **ř**"¹⁷⁰.

---

164. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 210 б.

165. Слово трудно поддается переводу. Оно отсутствует во всех известных толковых словарях армянского языка.

166. **Григор Татеваци**. Толкование от Матфея, с. 40 б. С незначительными изменениями это подразделение звуков встречается и в "Толковании грамматики Давида Зейтунци", с. 74.

167. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 204 б.

168. Там же.

169. Там же, с. 209 а.

170. Там же, с. 201 б. См. также: Толкование от Матфея, с. 23 б.

"Чередующими" он называет звуки *i*, *w* и *y* "так как эти три звука являются чередующимися, вследствие чего **l** (**w**) замещает **h** (**i**) как **i**, **j** (**y**) вместо **h** (**i**)¹⁷¹, так и звуки **η**, **hu** (**χ**, **x**)¹⁷².

Подобно предшествующим грамматикам Татеваци устанавливает связь между письмом, слогом, словом, мыслью и познанием. "Так, из слогов рождается слово и мысль, а из мысли — понятие"¹⁷³. При этом "письмо видим глазами, а слог слышим ушами, понятие усваиваем в мыслях, как псалом, и так далее. Познание выявляет смысл и освещает его"¹⁷⁴. И для всех материалом служат письмена, подобно тому как четыре стихии служат материалом для образования мира, ибо "из смешения гласных и согласных, толстых и тонких образуются слова и суждения"¹⁷⁵.

Эту связь между языковыми единицами, как известно, толкователи труда Дионисия Фракийского в основном отмечали лишь в количественном плане, игнорируя смысловую, качественную сторону¹⁷⁶. Татеваци привносит некоторое изменение в эту классификацию, пополнив ряд другими дифференцированными единицами, однако рассматривает смысл не как нечто присущее слову и "понятию" (**ρῆσι**) (как было отмечено, последнее у Татеваци имеет двойное значение), а как отдельную единицу. Более того, по его мнению смысл также имеет свои разновидности: простой, доступный и "внутренний". Эта градация в "Книге вопрошений" характеризуется следующим образом: "Письмо это то, что начертано; буква — это то, что является наименованием письма, как, например, когда говорим **a**; складывание из гласных и согласных **haγ**; слог; слово; высказанная мысль с ясным толкованием; внутренний смысл — наиглубокое и наивысшее знание, которое выявляется и выражается само по себе лишь [путем] познания"¹⁷⁷.

171. Там же, с. 200 б.

172. Григор Татеваци. Толкование Псалмов, с. 79 б.

173. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 205 б.

174. Там же.

175. Там же.

177. Григор Татеваци. Книга вопрошений, с. 177.

Среди замечаний Татеваци относительно слога примечательно следующее: он связывает слог, с одной стороны, с звучанием, а с другой — дыханием: "слог воспринимаем слухом"¹⁷⁸, "показывает наше дыхание, которое длится не долго, а повторяя"¹⁷⁹.

Сочетание гласных и согласных внутри слога объясняется многочисленными параллелями: "Во-первых, как слово рождается из мысли и души; во-вторых, как дыхание рождается от души и от тела; в-третьих, как дитя рождается от мужчины и женщины"¹⁸⁰.

Касаясь вопросов чередования звуков, Татеваци отмечает, что косвенные формы слов могут иметь изменения звуков, увеличение или уменьшение. В соответствии с позицией он различает три вида чередования звуков: в начале слова, в середине слова и в конце слова. При этом первый вид относится к происходящим в первой части сложных слов изменениям — *kisēs, kisažam*. Для второго в качестве примера он приводит формы: *hrēau, hrēauk^c, hrēic^c*, усматривая изменения в последней форме по сравнению с предыдущими двумя формами. Неудачен также пример чередования звуков в конце слова — *auseneawk^c, auseniwk^c*¹⁸¹.

Более правильно различение чередования звуков в открытых и закрытых слогах. В первом случае он отмечает изменения в окончании слов: *h>l, h>j*; во втором случае, где "изменяется средняя буква"¹⁸², изменение дифтонгов он рассматривает как изменение одной из гласных, входящих в их состав¹⁸³.

Согласно чередованию звуков он различает две группы односложных слов¹⁸⁴. К первой группе относятся слова, при склонении которых не происходит чередование звуков (*Sis*,

---

178. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 205 б.

179. Там же, с. 206 б.

180. Там же, с. 205 а.

181. Там же, с. 201 б.

182. Там же, с. 200 б.

183. См.: Г. Джаукян. Указ. соч., с. 294.

184. См.: Там же, с. 295.

dzi, get), ко второй — слова, при склонении которых происходит чередование звуков (indz), (cic), (c^cic^c) — (əndzoy), (cəcoy), (c^cəc^coy).

В вопросах орфографии Татеваци осуждает попытки вносить изменения в правописание под влиянием разговорной речи. В частности он считает ошибочным изменение ʈ > ɥ (ē > i) в некоторых собственных именах, как-то: Aristakēs, Vrt^canēs, Movsēs, Nersēs, которые в родительном падеже должны писаться не Aristakisi, Vrt^canisi и так далее, а Aristakēsi, Vrt^canēsi, Movsēsi, Nersēsi, потому что последний ряд "является достоверным и соответствует принципам армянского языка", а предыдущий — "житейским и арцахским"¹⁸⁵.

Рассуждая о правописании ʈ (e) и ʈ (ē) Татеваци с целью избежания ошибок и уточнения правописания слов предлагает произвести проверку посредством склонения, принимая во внимание то обстоятельство, что в словах, пишущихся через ē, в косвенных падежах происходит чередование звуков, то есть ē (ʈ) переходит в ɥ (i), а в словах, пишущихся через e, не происходит чередование звуков. "Известно,— пишет он,— что если в именительном падеже [слово пишется] через ē, то при склонении ē переходит в i. А если [в именительном падеже слово пишется] через e, как, например, t^cew, net, get, то при склонении e сохраняется; как "t^cewov, netov, getov, а слово gētn при склонении имеет форму gitun, и kētn - kitiv"¹⁸⁶.

Татеваци отмечает также разногласия между Аристакесом и Георгом Скевраци относительно правописания слова kēt. Согласно первому, данное слово должно писаться через e, согласно второму — через ē. Соглашаясь с мнением Скевраци, он отмечает, что форма написания через e является ошибочной и распространенной в восточных краях Армении, исходя "из принятой в восточных краях традиции и ошибки говорят ket"¹⁸⁷.

Татеваци придает большое значение произношению и пунк-

185. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 197 б.

186. Там же, с. 211 б.

187. Там же, с. 211 а.

туации. Произношение он считает "искусством и украшением слов"¹⁸⁸, которое необходимо "и писателям, и читателям, и любомудрам"¹⁸⁹. Он этимологизирует слово *aroganutciwn* (просодия) то как "*arovasutciwn*", то как *vogogumn* ("окропление водой"), которое является "жизненностью писания"¹⁹⁰. Подобно предшествующим грамматикам он различает десять знаков просодии.

По его мнению, предмет чтения осмысливается также при помощи просодии. Он различает несколько видов чтения, которые называет "искусством читателей, а именно: грустный, увеселительный, желаемый и высокомерный"¹⁹¹, которые могут встречаться "как в отдельных выражениях", так и "во всем сочинении"¹⁹². Затем он советует, как читать молитву, притчу, исторические труды: принимая во внимание содержание темы "необходимо в соответствии с ним приноровить слова — радостные или скорбные или же другие"¹⁹³.

Относительно пунктуации Татеваци прежде всего отмечает, что хотя ее обычно ставят после просодии, однако по своей значимости она должна предшествовать просодии. "Хотя пунктуация и расположена после, однако достоинством главнее, чем просодия"¹⁹⁴, потому что если знаки просодии оттеняют один звук или одно слово, то пунктуация относится к многочисленным звукам или словам¹⁹⁵.

В толковании труда Георга Скевраци, подобно предшествующим грамматикам, Татеваци различает три точки: "запятую, среднюю точку и завершающую точку", а в "Толковании Псалмов" к ним добавляет еще верхнюю точку, отмечая также их употребление: "верхнюю точку и запятую ставят после имени и глагола. Средняя точка отделяет имена и

---

188. Там же, с. 210 а.

189. **Григор Татеваци.** Толкование Псалмов, с. 5 б.

190. Там же.

191. Там же.

192. Там же.

193. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 210 а.

194. Там же, с. 210 б.

195. Там же.

глаголы от других слов. Завершающая точка, то есть две точки вместе [ставятся] при окончании предложения"¹⁹⁶.

Он отдельно говорит о звездочках (✱) знаках юбилея (Ճ), лиминискоса (Մ) гипилиминискоса (Ս) и дает следующее их объяснение: "называется звездочкой [и ставится] над словом, которую оставили семьдесят толковников; юбилей, который называется копьём над словом, который прибавили семьдесят толковников; лиминискос ставится над двумя словами в знак их истинности, подобно тому как мы над двумя письменами ставим титло; гипилиминискос [служит для обозначения] многообразия слов, который мы помещаем на полях"¹⁹⁷. Примечательно, что Татеваци упоминает и их армянские эквиваленты, в то время как переводчик труда Дионисия Фракийского десять знаков просодии перевел на армянский язык механически, которые лишь впоследствии постепенно приобрели переосмысление.

В последнее время в лингвистических работах говорится о кинесических знаках. Г. Джаукян выделяет различные движения головы (как знак утверждения или отрицания), а также рук и лица. В последнем случае, согласно ему, движения "выступают как произвольные выражения различных человеческих переживаний", которые "напоминают междометия"¹⁹⁸.

У Татеваци мы находим ценные замечания и касательно этих вопросов. Он указывает на ряд движений головы, лица и рук (первые два он объединяет): "Движение головы бывает шести видов. Во-первых, согласительным; во-вторых, отрекательным; в-третьих, угрожающим; в-четвертых, насмешливым; в-пятых, печальным; в-шестых, устрашающим"¹⁹⁹. Согласительные и отрицательные движения он считает истинными выразителями мысли: "Первые два [движения], каковыми являются утвердительные и отрицательные [движения], явно передают

---

196. Григор Татеваци. Толкование Псалмов, с. 5 б.

197. Там же.

198. Джаукян Г. Основы теории современного армянского языка. Ереван, 1974, с. 121. На арм. яз.

199. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том. С. 273, 123. См. также: Толкование Псалмов, с. 43 а.

содержимое мысли — согласие или несогласие с ней"²⁰⁰. Движения же рук, по его мнению, помогают слову, являясь его "помощником и выразителем"²⁰¹.

Несмотря на то, что он перечисляет только четыре движения лица (угрожающее, насмешливое, печальное, ужасающее), однако говорит и об удивлении и сожалении. При этом, из его объяснений явственно следует, что причиной движений лица он считает мысль: "ибо, когда мы замечаем нечто, что выше нашей мысли, то движемся мыслью к тому, что [вызвало] удивление"²⁰².

Он проводит параллель между чувством сожаления и междометием "ой", рассматривая последнее как средство его проявления, ибо "ой, мы говорим относительно тех вещей, к которым стремимся и не доходим. Тогда, огорчившись, сожалеем и говорим, **ой**, что случилось"²⁰³.

2.4. Замечания по морфологии

При классификации частей речи Татеваци сочетает философско-логический и грамматический принципы²⁰⁴, на этот раз имея в качестве непосредственного предшественника своего учителя Ованеса Воротнеци²⁰⁵. Как известно, такое деление производил и Давид, однако если при выдвижении философско-логического принципа он выделяет пять частей речи²⁰⁶, то Ворот-

---

200. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 273.

201. Там же.

202. Там же.

203. Там же, с. 214.

204. С целью полного представления лингвистических взглядов Татеваци, мы продолжаем приводить нашедшие место в работе Г. Джаукяна постановки вопросов, производя соответствующие ссылки.

205. О классификации Воротнеци см.: Григорян Г. Философское учение Иоанна Воротнеци. Ереван, 1980, с. 196. На арм. яз. Добавим только, что эта классификация содержится в сочинении Воротнеци "Краткий анализ книги об истолковании", которое, как известно было записано и отредактировано Григором Татеваци.

206. Джаукян Г. Грамматические и орфографические труды в древней и средневековой Армении, с. 138.

неци и Татеваци отмечают лишь две. Татеваци пишет: "Философы признают две части речи, то есть имя и глагол, которые обозначают сущность и действие. А грамматик признает восемь частей речи, то есть имя, глагол, причастие, артикль, местоимение, предлог, наречие, союз"²⁰⁷.

Очевидно, что в случае первого принципа Татеваци имеет в виду Аристотеля, однако известно также, что последний выделял не две, а три части речи: имя, глагол и союз (при этом это носило весьма общий характер). Следовательно, сократив также третью часть речи и доведя их число до минимума, Татеваци при рассмотрении философско-логического принципа полностью оставляет в стороне языковой и отмечает наиболее общие значения — сущность и действие.

Относительно произведенного Давидом деления Г. Джаукян делает следующее замечание: поскольку Давид "ставит мнение философов рядом с подразделением Дионисия", поэтому "в этом случае естественно ожидать, чтобы он счел применимыми к грамматике в равной мере и данные логики и философии"²⁰⁸. Подобное переплетение мы видим и у Татеваци. Согласно ему "ban" в одинаковой мере означает и предложение и суждение, имя и глагол выступают и как члены предложения, и как члены суждения²⁰⁹.

Имени и глаголу он, подобно Аристакесу, приписывает еще один признак общего характера: как имена, так и глаголы делятся на две группы — совершенные и несовершенные, различая их по формальному признаку, то есть присутствием или отсутствием **յ** (**y**). Следует заметить, что если данное деление в определенной мере применимо для формальной классификации глаголов, то в случае с именами оно оказывается совершенно искусственным.

Совершенными глаголами являются формы спряженных глаголов, которые "показывают прошедшие действия и вещи"²¹⁰.

---

207. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 209 а.

208. **Джаукян Г.** Указ. соч., с. 138.

209. См.: Там же, с. 293.

210. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 209 а.

Кроме того, следуя приводимым Татеваци примерам глаголов, можно заметить, что они большей частью представлены в форме прошедшего совершенного времени: *argescau* (прожил), *ardarascay* (оправдался) и т. д. Совершенные имена также должны оканчиваться на *j*: *arkcau* (царь), *kcahanay* (священник), *Noy* (Ной), *хоу* (овен) и т. д.

На вопрос "каким образом происходит склонение имен" Татеваци отвечает, что имена склоняются или при помощи предлогов, или же окончаний²¹¹ и несмотря на то, что он следует принципу различения Григора Магистроса, однако отказывается от приведенных им примеров двоякого склонения и женского рода, которые Магистрос приводил по сходству с греческим языком:

1. zDawitc, i Dawitc, aŋ Dawitc.

2. Dawtci, Dawtcoŋ, Dawtcum.

Следует отметить, что в отличие от Ованеса Ерзынкаци, который различал родительно-дательный падеж нарицательных имен, Татеваци выделяет также родительно-дательный падеж собственных имен:

Dawtci — Dawtcum.

Продолжая руководствоваться философско-логическим принципом, Татеваци именительный падеж противопоставляет другим падежам, как прямую и косвенную формы: "Номинатив является [прямой формой] имен и глаголов, а склонение — их изменением" (отклонением от прямой формы)²¹². Рассуждая о различии словоформ *ratiw* и *ratwi* (честь), он не признает точку зрения, согласно которой форма "честь" превосходит формы "честь". В этой связи он пишет: "А я утверждаю, что [речь идет лишь] о прямой и косвенной [форме], как Давид и Давида. И вот [словоформа] *ratiw* (честь) сама обозначает прямой [падеж], а [словоформа] *ratwi* (честь) — другой, косвенный падеж"²¹³. Таким же образом он рассматривает прямую и косвенные формы местоимений: " *es* (я), *du* (ты), *na* (он), *da* (тот), *sa* (этот) — прямая

211. Джаукян Г. Указ. соч., с. 293.

212. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 197 б.

213. Григор Татеваци. Толкование Псалмов, с. 90 а.

форма; im (моя), kco (твоя), noa (его), sma (этому) — косвенная"²¹⁴. Как косвенные формы существительных и местоимений, так и спряженные формы глаголов Татеваци объединяет одним словом "holovakan" (склоняемый).

Таким образом, Татеваци объединяет имя, местоимение и глагол как изменяющиеся части речи. И так как он преимущественно руководствуется философско-логическим принципом деления частей речи, поэтому, естественно, что он особенно не останавливается на рассмотрении отдельных падежей. Именительный падеж, по его мнению, в отличие от других падежей показывает "собственно определяемое лицо имени, а косвенные [падежи показывают] не лицо, а неопределенную и неизвестную вещь..."²¹⁵.

Он обобщает значение падежей следующим образом: именительный падеж обозначает "сущность" (qṭnrḥn), родительный - "для, ради нее" (ṣḥn ḥrḥ), творительный - "обозначает им" (qḥnṣḥn ḥḥnḥḥḥ)"²¹⁶.

Он предупреждает также, что обозначаемую родительным падежом принадлежность не всегда надо понимать буквально, "как, например, когда мы говорим о реке по названию данного города, то эта [речная] вода не от него, а из обширного моря, которая протекая через [город], называется его именем"²¹⁷.

Он приводит следующее различие нарицательных и собственных имен: человек, например, является нарицательным существительным, обладающим сущностью, или же существующее в природе... А Петрос является собственным именем, отличающимся определенными свойствами²¹⁸. Одновременно он противопоставляет им существительное, взятое в неопределенном смысле: "А предположение — это различимое и неразличимое с определенными свойствами, как, например, "некий человек"²¹⁹.

---

214. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 199 а.

215. Там же, с. 199 б.

216. Там же, с. 203 б.

217. **Григор Татеваци.** Толкование от Матфея, с. 22 б.

218. **Григор Татеваци.** Книга, называемая Златым Чревом, с. 472.

219. Там же.

Основной смысл имен, образованных с аффиксом —утюн (nɪʁɸiŋ), заключается в обозначении одной и той же природы: "И то, что мы говорим с аффиксом —утюн, обозначает одну природу (сущность). Так, мы говорим mardkutʹiwn (человечность), dziutʹiwn (лошадиность)"²²⁰. Если в этом случае он имеет в виду группирование вещей по одному признаку, то, с другой стороны, это общее и входящие в него единичные вещи он связывает отношением целого и части. "И так различаются..., то есть как часть и целое, как человек и человечество", — пишет Татеваци²²¹.

Татеваци отмечает три возможные пути возникновения имени. "Во-первых, [имя] возникает от другого отыменно, как от Геракла — гераклиды, от Израиля - израильяне, как от Христа - христиане, ибо возникли от него"²²². Второй путь, хотя и похож на первый по форме образования, однако по некоторым признакам отличается от него. "Вторым родом называют и принцип происхождения, как haug (отец) и haugenikʹ (отчизна). И это отлично от первого, так как в первом случае от одного направляемся к множеству, а здесь [наоборот], от множества к единичному (то есть из множества) — отец, дед, село, область, мать (взят один)"²²³, то есть, если в первом случае происходит обобщение, то во втором из общего берется самое характерное. При этом, по мнению Татеваци, во временном плане второй вид предшествует первому: "И надобно знать, что этот [род] по времени [возникает] раньше, чем первый род..., ибо прежде рождаются и только потом именуются гераклидами и тому подобное"²²⁴. Третий путь — это наименования вещей, находящихся в отношении рода и вида: "А третий род является существенным, который предидирует виды, как животное"²²⁵.

---

220. Григор Татеваци. Толкование "Книги бесед" Кирилла. Костантинополь, 1717, с. 598. На древнеарм. яз.

221. Григор Татеваци. Книга вопрошений, с. 121.

222. Григор Татеваци. Краткий анализ книги Порфирия. Мадрас, 1793, с. 336. На древнеарм. яз.

223. Там же.

224. Там же.

225. Там же, с. 337.

Он предупреждает также, что новые слова, образующиеся посредством аффиксации, приобретают новое функциональное значение, как например: *mi* (един, один) и *miak* (единственный, единичный). Ибо "различны единое и единственное, так как единое является общим, а единственное — особливим и частным. Каждое единственное является единым, но не каждое единое является единственным, единичным. Так, мы говорим одно стадо, один стог, один литр. Они являются единым, но не являются единичным"²²⁶.

Давид различает философское и грамматическое понимание одного из 23 выделенных Дионисием Фракийским видов имени — соименного (*pařanun*^c). "Говоря "соименное", философы понимали имена, обозначающие входящие в один и тот же род виды... Грамматики называют "соименным" или "многoименным" (*bazmanun*) имена, даваемые одной и той же вещи"²²⁷.

Согласно Вардану Аревелци, "соименное" — когда различные имена указывают на тот же предмет, например: сабля, меч, шпага, палаш. Это дело и искусство риторы, который одну вещь выражает многими именами и многогранно, что грамматики назвали "многoименным", а философы — "соименным"²²⁸. Татеваци привносит некоторые изменения в эти определения. Прежде всего он рассматривает "многoименное" и "соименное" как отдельные виды, во-вторых, вместе с одноименным и отыменным рассматривает их не в грамматическом, а в философском смысле.

Относительно этого Татеваци дает следующие пояснения. "Философы, — пишет он, — делят имя на четыре [вида], то есть на одноименное, на соименное, на отыменное и на многoименное. Одноименное обозначает различные вещи, однако не выражает их сущность, как, например, когда говорим *акп* (око, что означает глаз), источник воды, драгоценный камень, колесо телеги и все они имеют различную природу и различные

---

226. Григор Татеваци. Книга вопрошений, с. 109.

227. Джаукян Г. Указ. соч., с. 145.

228. Вардан Аревелци. Толкование грамматики. / Подг. текста, предисл. и примеч. А. Хачеряна. Ереван, 1972, с. 116. На древнеарм. яз.

определения. А соименное дает имя и выражает сущность вещи, то есть ее определение, как говорят род, который предидирует виды, так как лошадь и овцу называют животным как соименные, ибо мы можем говорить, что овца — животное, существо одушевленное и чувственное. Точно так же и лошадь. Отыменное это то, что называют согласно действию, как, например, от добродетели называют добродетельным, от грамматики — грамматиком. А многоименное это когда одной вещи даем множество имен, как например, палаш, сабля, меч, шпага²²⁹.

Отметим, что в объяснениях Татеваци одноименное и соименное в смысле образования имеют противоположные концы. Обозначаемые одноименным предметы своим образованием не связаны друг с другом, между тем как соименные соотносятся как род и виды.

Татеваци считает одноименными также сложные слова, имеющие ту же составную часть: небесный овен, водный овен, сухопутный овен; первый день недели, второй день недели, третий день недели, четвертый день недели, "потому что хотя они включают слово неделя как одноименное, однако первый день недели отличается от второго дня недели и все остальное в этом ряду"²³⁰. А слово "день" является соименным, так как имеет свойства всех остальных дней и одновременно имеет то же самое наименование: "И день называется соименным, ибо дает имя и [сущность] вещи, так как мы можем говорить, что понедельник есть день и обладает определением дня. Говорим третий день недели, четвертый день недели. Говорим также день украшения деревьев, день вардавара, постный день, день Пасхи. И каждый из них имеет имя "день" и определение дня"²³¹.

Как можно заметить, объяснения Татеваци построены на основе философско-логического принципа. Относительно этих терминов у него имеются и другие частичные разъяснения:

---

229. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 647.

230. Там же.

231. Там же.

"Одноименными [называются вещи], имя которых общее, но сущность различна"²³²; "[Одноименное] показывает сколько имеет значений"²³³; "Многоименное обладает одной сущностью"²³⁴.

Он приводит пример диалога, на котором иллюстрирует различие одноименного, многоименного, отыменного:

— Христос — Бог является одноименным или нет?

— Говорит — нет.

— Почему нет?

— Христос и Бог — два имени, как я могу говорить одно.

— Если не говоришь одноименное, то скажи, что является многоименным.

— Не могу говорить многоименный, потому что многоименное является единой по сущности, а Христос и Бог составляют две сущности.

— В таком случае ты должен или говорить другое имя, которое разграничивает сущность и имя, или же должен говорить отыменно, что не выражает ни имени, ни сущности²³⁵.

Как было отмечено, Татеваци объединяет местоимение с существительным и глаголом как изменяющиеся части речи, здесь также противопоставляя именительный падеж, как прямой и другие — как косвенные.

Указательные местоимения *sa* (это), *da* (этот), *na* (тот) он выделяет как обозначающие собственное лицо²³⁶. Мы отметили также, что он усматривает связь между этими местоимениями и артиклями: "А три буквы являются указательными *d* (Д), *p* (Н), *s* (С), как *da* (этот), *na* (тот), *sa* (это)"²³⁷.

Перечисляя относительные местоимения, Татеваци подчеркивает их функциональное значение: "И вот смотри обстоятельства сравнения, как например, *ov*, *um*, *ur*, *erb*, *zinc^{vc}*, *voipēs*, *voikcaп* и т. д."²³⁸.

---

232. Григор Татеваци. Толкование "Книги бесед" Кирилла, с. 691.

233. Там же, с. 530.

234. Григор Татеваци. Книга, называемая Златым Чревом, с. 451.

235. Там же.

236. Григор Татеваци. Толкование Псалмов, с. 88 б.

237. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 200 б.

238. Григор Татеваци. Толкование от Матфея, с. 160 а.

Считая местоимение *տոմ* (некий) неопределенным ("некий является неопределенным"²³⁹), он одновременно отмечает, что его употребление означает, что о предмете мысли говорится предположительно. "А предположение — это различимое и неразличимое с определенными свойствами, как, например, некий человек"²⁴⁰.

Относительно имени прилагательного Татеваци приводит мнение Аристотеля о том, что степени сравнения не привносят существенных, качественных изменений в признаки: "Аристотель пишет, что то, что говорится в превосходной [степени], это то же самое [в сущности]. Так, например, если кто-то говорит способный, более способный и способнейший — одно и то же"²⁴¹. Однако, исходя из того, что сравнительная степень слова *սե՛ր* (род) в древнеармянском языке — "более родовой" он объясняет как "то, что называем высшим и превосходным родом"²⁴², можно предположить, что он склоняется к признанию их различия.

Татеваци различает три времени глагола: *ե* (есть) показывает настоящее время, а *ե՛ր* (было) и *ե՛րիցն* (будет) — прошедшее и будущее"²⁴³. Прошедшее время, по его мнению, показывает "конец прошлого", будущее — "начало будущего", а настоящее — находящееся в процессе действие, являющееся "безначальным и не имеющим предела"²⁴⁴.

Он дает следующее объяснение страдательного залога глагола: носитель действия одновременно является и причиной действия, ибо "datin" (осуждаются) — страдательный залог, так как сами осуждаются, а не со стороны кого-либо другого"²⁴⁵.

Он отмечает "повелительный и отрицательный" характер частицы "մի" *մի* (не): "Не собирайте сокровища на земле — повелительная и отрицательная форма"²⁴⁶.

---

239. Там же, с. 300 а.

240. **Григор Татеваци.** Книга, называемая Златым Чревом, с. 472.

241. Там же, с. 78.

242. **Григор Татеваци.** Краткий анализ книги Порфирия, с. 343.

243. **Григор Татеваци.** Книга вопрошений, с. 312.

244. Там же.

245. **Григор Татеваци.** Толкование Псалмов, с. 58 а.

246. **Григор Татеваци.** Толкование от Матфея, с. 121 а.

Для числа глагола Татеваци использует термины *bazmawoga-kī* (множественное) и *arandzin* (отдельное), в то время как предшествующие грамматики вместо термина "отдельное" употребляли в основном термин "единственное" (*ezakan*).

Как было отмечено, следуя Аристакесу, Татеваци имена и глаголы делит на две группы, на совершенных и несовершенных. И если Ованес Ерзынкаци в причастия включает прошедшее деепричастие, усматривая в нем в основном признаки глаголов, не отрицая, однако и именное, то Татеваци приписывает ему лишь признаки глаголов. Более того, прошедшее деепричастие он рассматривает как совершенный глагол и противопоставляет неопределенному, в котором видит и глагольные, и именные признаки. И так как прошедшее и неопределенное деепричастия не имеют другого формального различия окончаний кроме *ш* (а), поэтому совершенность прошедшего деепричастия он связывает с окончанием *ш* (а) *žoʎovel* - собирать, *žoʎoveal* - собравший), а именные признаки неопределенного деепричастия - с окончанием (и) (*žoʎovel* - собирать, *žoʎoveli* — имеющий собирать). Признаки глаголов неопределенного деепричастия прежде всего он видит в том, что оно показывает действие: "Смеющимся является человек, а смеяться означает действие"²⁴⁷. Оно имеет признаки глаголов и в формах родительного падежа: "Ařak^čeloy, žoʎoveloj, čana-č^čeloy... Они — склонения глаголов, наличие *ј* (*y*) необходимо везде и так как не являются совершенным глаголом, вследствие этого не имеют *ш* (а) и так как не являются именем не имеют *ћ* (*i*) меняющаяся на *л* (*w*)"²⁴⁸.

По "инструментальному", "ритуальному", "воздействующему" причинам он различает деепричастные формы: писец — пишущий, креститель — крестящий, искуситель — искушающий. Говоря "инструментальная причина", он имеет в виду инструмент, орудие, средство. Это относится к формам: писец, креститель, искуситель. А второй ряд характеризует иногда термином "воздействующий", иногда — "ритуальный". *Grič*

247. Григор Татеваци. Краткий анализ книги Порфирия, с. 383.

248. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 200 б.

(перо) называется тростниковая палочка для письма, которая в его (писца) руке. *Grič* — называется и пишуший, то есть писец. В одном случае инструментальная, в другом — воздействующая причина (то есть инструмент и его применение)²⁴⁹. В другой работе он пишет: "Что такое креститель и крестящий, как и писец и пишуший? Один - инструментальная причина, другой — ритуальная (один — причина действия, другой — исполнитель)"²⁵⁰.

В отношении некоторых грамматических вопросов Татеваци проявляет предвзятый подход. Выступая в защиту точки зрения о необходимости сохранения неизменным письменный язык²⁵¹, он своей традиционностью преследовал цель сохранить неуязвимой самобытность армянского языка. Пожалуй, этим можно объяснить и его отрицательное отношение к употреблению частицы "ku". Если Ованес Ерзынкаци формы с частицей "ku" фиксирует как получившие признание и нормированные, то в огромном литературном наследии Татеваци мы настолько редко встречаемся с ее употреблением²⁵², что склонны даже предположить, что в авторских списках их не было. Интересно, что он осуждает униатов ("народ франков"²⁵³) в употреблении частицы "ku", которые во время крещения говорят "ku mkrtem" (крещу), вместо "крестится моей рукой"²⁵⁴. В этом случае, по Татеваци, происходят два нарушения:

1. Частицу "ku" он рассматривает как прямое дополнение, то есть *ku mkrtem* то же самое, что и "крещу "ku" (կու)", "что неправильным соединением показывает, что крестится *ku*, а не посвященный"²⁵⁵.

---

249. Григор Татеваци. Толкование Псалмов, с. 80 а.

250. Григор Татеваци. Толкование от Матфея, с. 40 а.

251. На вопрос, какая польза от того, что простолюдин слышит молитву на "непонятном языке" Татеваци отвечает, что это подобно тому, как если бы драгоценный камень находился у человека, который не знает его цены, и у ювелира. И независимо от этого ценность камня не изменяется (Книга проповедей. Зимний том, с. 363).

252. Например, в труде "Толкование от Матфея", который состоит почти из 680 страниц, мы встретили два—три случая употребления частицы "կու" (*ku*).

253. Григор Татеваци. Книга вопрошений, с. 588.

254. Там же.

255. Там же.

2. Во втором случае он подчеркивает принудительный оттенок частицы "ku", то есть в его время уже появилась тенденция по ограничению использования частицы "ku".

У Татеваци имеются отдельные замечания относительно предлогов и междометий, о которых было сказано выше.

2.5. Замечания по синтаксису

Отождествление предложения и суждения Татеваци и его предшественниками привело к отождествлению и членов предложения и суждения.

Термин "ршц" (ban) Татеваци, подобно своим предшественникам, в равной мере использует и как суждение, и как предложение. "То, чем мы говорим, есть предложение (ршц)²⁵⁶. "И называется мыслью (ршц) задуманное и выраженное"²⁵⁷.

И так как он отождествляет суждение и предложение, поэтому в характеристике имени и определения можно заметить связь между именем и предложением. Последнее он рассматривает как расширение имени: "Имя есть краткое определение, а определение — развернутое имя, так как имя и определение равным образом выражают природу человека. Ибо если некто говорит: живое существо, разумное, смертное, способное рассуждать и восприимчивое к науке, то это выражает сущность человека, а если говорит кратко — человек, то и в этом случае выражает сущность человека"²⁵⁸.

Сопоставляя эти и другие характеристики имени и определения, данные Татеваци ("все существующее познается именем или определением, но определением больше, чем именем"²⁵⁹, "имя человек выражает сущность человека, имя лев выражает сущность льва, так как имя равнозначно опреде-

---

256. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 422.

257. Григор Татеваци. Книга вопрошений, с. 297.

258. Григор Татеваци. Книга, называемая Златым Чревом, с. 555. См. также: Толкование "Книги бесед" Кирилла, с. 530. Как уже было отмечено, это определение впоследствии встречаем у Давида Зейтунци (Толкование грамматики, с. 97).

259. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 165.

лению²⁶⁰), надо отметить, что преимущество определения он подчеркивает в одном плане, а именно: в отличие от имени определение включает и существенные признаки, но так как имя уже предполагает наличие существенных признаков в определении, то, по Татеваци, они тем не менее равнозначны.

Предложение и суждение он рассматривает как связь имени и глагола: "Помоги — глагол. Когда же говоришь: [помоги] Господь или Бог, то получится предложение, ибо предложение образуется из имени и глагола"²⁶¹.

Татеваци употребляет также термины "подлежащее" и "сказуемое", однако его объяснения и в этом случае в основном носят философско-логический характер, если оставить в стороне вопрос расположения подлежащего и сказуемого. Рассматривая мнение, согласно которому подлежащее и сказуемое в предложении находятся в отношении материи и вида, а последние выступают как равные в своих отношениях, Татеваци полагает, что это отнюдь не означает, что подлежащее и сказуемое в своих отношениях также выступают как равные. "Если в предложении сказуемое выступает как вид, а подлежащее как материя, и вид не превосходит материю, а являются равными, то означает ли это, что и сказуемое не превосходит подлежащее?... Хотя вид не превосходит свою материю, из которой образован, однако сказуемое не от того, от чего предидируется, то есть от подлежащего, а является последним"²⁶².

Таким образом, по Татеваци, вопрос касается не материи и вида, а место — положения в предложении. Постпозитивный характер сказуемого не означает, что оно предидируется от подлежащего.

По его мнению, сказуемое преимущественнее подлежащего. Это явственно следует из его ответа на вопрос "что такое подлежащее и сказуемое?": "Подлежащее — это то, что под-

---

260. Григор Татеваци. Книга, называемая Златым Чревом, с. 555.

261. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 198 б.

262. Григор Татеваци. Краткий анализ книги Порфирия, с. 355.

чиняется, а сказуемое — то, что над подлежащим. Является подлежащим, во-первых, потому, что находится внизу (является подчиненным); во-вторых, является первым; в-третьих, является сущим. Несколько отличается от него сказуемое. Во-первых, так как расположено над [ним]. Во-вторых, после [него]; в-третьих, выражает и сущее и действие; в-четвертых, является преимущественным [по сравнению с подлежащим]"²⁶³. Из этой характеристики вытекают следующие выводы:

1. Синтаксически подлежащее предшествует сказуемому;
2. Подлежащее выражает сущее (материю);
3. Сказуемое выражает сущее и действие (материю и движение).

Каким образом это определение Татеваци сообщается и отличается от подобного рода постановок вопросов со стороны предшествующих армянских грамматиков? Препозитивность подлежащего по отношению к сказуемому принималась почти всеми армянскими средневековыми грамматиками. Большинство их признавало также преимущество имени по сравнению с глаголом. В основе этой точки зрения лежал вопрос соотношения сущего и действия. Те, кто считал, что в плане возникновения сущее предшествует действию, признавали также первичность имени по отношению к глаголу. Так, например, по Давиду, "прежде пристойно возникнуть сущему, чем действию. Отсюда ясно, что имя [предшествует] глаголу"²⁶⁴.

Этого мнения придерживались также грамматик Мовсес и Ованес Ерзынкаци. Так как Татеваци в отличие от этих грамматиков, полагает, что глагол (сказуемое) одновременно выражает сущее и случайный признак, то он считает, что он обладает преимуществом по отношению к выражающему сущее имени (подлежащему). Отметим, что с подобным определением сущего и действия мы находим у его предшественника Вардана Аревелци. "Первой частью предложения

---

263. Там же, с. 353.

264. **Джаукян Г.** Указ. соч., с. 139.

является имя, которое дает определение сущего... За именем следует глагол, который выражает имя и действие"²⁶⁵.

Преимущество сказуемого по отношению к подлежащему признавал и Варфоломей Марагацци в своей работе "Очень полезное краткое собрание диалектики, то есть логики" ("превосходнейшей частью предложения является сказуемое"²⁶⁶), которая в 1363 г. была переписана Татеваци по заказу Ованеса Воротнеци. И не исключено, что мнение Марагацци оказало влияние на воззрения Татеваци.

2.6. Вопросы стилистики

Как известно, стилистика как отдельная дисциплина стала предметом исследования лишь в начале XX века. В частности, в армянской действительности, как показал С. Мелконян, до второй половины XIX века "вопросы стилистики затрагивались преимущественно в риторическом искусстве"²⁶⁷. Однако, относительно как синтаксиса, так и стилистики не все грамматики сообщают сведения. Особенно в работах средневековых грамматиков они занимают мало места, а у некоторых авторов отсутствуют полностью. Отсюда становится понятным тот исследовательский интерес, который проявляют ученые даже по отношению отдельных замечаний.

Замечания Татеваци относительно стилистики также немногочисленны.

Кроме различения устного и письменного слова он признает три вида речи: обычный, басенный и мудрый. "Слово бывает трех видов, то есть общеупотребительным, басенным и мудрым"²⁶⁸.

Рассуждая об устном слове, он подчеркивает значение коммуникативности. Говорящий должен проявлять заботу о

---

265. Там же, с. 253.

266. **Ованес Крнеци**. Толкование грамматики. Ереван, 1977. / Подг. и изд. Л. Хачикян и С. Авакян, с. 121. На древнеарм. яз.

267. **Мелконян С.** Очерки стилистики армянского языка. Ереван, 1964, с. 38. На арм. яз.

268. Краткое собрание притчей, с. 324 б.

слушателях, ибо "мудрый человек говорит медленно и спокойно, дабы [сказанное] запечатлелось в мыслях слушателей как печать на воске"²⁶⁹. Успех восприятия слова во многом зависит от познаний и риторических способностей говорящего. Человек, обладающий только практическими знаниями и не сведущий в теоретических премудростях, "не наслаждается наукой как ученый, не обладает ясностью мысли, которой озарился и стал бы прекрасным, как сведущий в теоретических знаниях — светом мудрости"²⁷⁰.

Однако сочетание теоретических и практических знаний тоже недостаточно, если учитель является "болтливым" и неспособным к выбору места и времени соответствующей речи: "Если [учитель] обладает только теоретическими [знаниями], но лишен природного ума, будучи легкомысленным, болтливым, пустословом, непристойно и легкомысленно болтает повсюду..., так как не может выбрать соответствующего собеседника, место и время"²⁷¹. Между тем мудрый проповедник не только выбирает место и время, но и учитывает характер аудитории: "А мудрый мыслью знает... каким образом говорить с телесными и духовными, князьями и простолюдинами и вообще со всеми [людьми]"²⁷².

А каким должно быть слово? Размеренным,— отвечает Татеваци. "Умеренность прежде всего это то, когда говорят мало и не часто и чрезмерная болтовня является недостатком человека... Во-вторых, умеренной является [речь], которая произносится спокойно, а не быстро и громко"²⁷³. Речь должна быть также осмысленной и логически выдержанной, "ибо мудрость является солью и приправой слова, подобно тому как соль для пищи"²⁷⁴, а логическая речь, по его мнению, это целенаправленная, обладающая внутренней связью речь. Лишенное логики слово в конце концов сводится ко лжи и

---

269. **Григор Татеваци**. Книга проповедей, Зимний том, с. 180.

270. Там же, с. 172.

271. Там же, с. 171.

272. Там же.

273. **Григор Татеваци**. Книга проповедей. Летний том, с. 405.

274. Там же.

пустословию, которого надо избегать. "Упорядоченная речь также бывает двоякой. Во-первых, тот, кто знает начало, середину и конец речи, говорит упорядоченно, подобно тому, как поочередно меняем ноги, сначала близко, а затем — далеко. Во-вторых, упорядоченная речь является истинной, а неупорядоченная — ложной... Но если ложь непреднамеренная и [проистекает] от незнания, то она становится пустословием. Следовательно, необходимо остерегаться неупорядоченного слова и лжи — умышленной и неумышленной, как прелюбодеяния языка"²⁷⁵.

Сказанное Татеваци обобщает следующим образом: "**Мягкое и спокойное слово** смягчает мысль слушателей и делает ее наподобие мягкого воска, [благодаря чему мысль] и воспринимает словесный образ (слово). Ибо существуют четыре вещи, которые делают слово более воспринимаемым. Во-первых, доброе слово; во-вторых, упорядоченное слово; в-третьих, приятное слово; в-четвертых, пристойно сказанное [слово]. А злое и неупорядоченное слово, крики и торопливая речь приводят в замешательство мысль слушателей и слово становится бесполезным. И подобно тому, как буря, которая движет волны вод, точно так же крутая и шумная речь возмущает мысль слушателей; как холодный дождь затопляет семена и делает их бесплодными, так и торопливая речь [делает ее бесполезной]. И как холод охлаждает воск, так и злое и беспорядочное слово отупляет мысль"²⁷⁶.

Не будучи против употребления различных средств выразительности речи и лично владея тайнами наделенного "прекрасной мудростью" слова, Татеваци критически относился к напыщенному слову, в котором, по его мнению, мысль затмевается от тяжести излишних слов. "Замена слова искусственно составленным, то есть новым словом — есть напыщенность"²⁷⁷.

Как уже было отмечено, в устной речи Татеваци существенное место уделяет также просодии, считая ее "искусством и

---

275. Там же.

276. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 180.

277. Григор Татеваци. Толкование "Книги бесед" Кирилла, с. 628.

украшением слов", средством "составления и изображения". Согласно просодии он различает несколько видов чтения: высокомерное, увещательное, ироническое, вопросительное, отрицательное, исповедательное²⁷⁸.

Письменное слово Татеваци подвергает нескольким делениям. Иногда в качестве критерия он принимает язык изложения данного автора: "Слова делятся на четыре [вида]. Бывает, что и слово, и голос глубокими, как у пифагорейцев. Бывает, что голос ясный, а мысль глубокая, как у Платона. Бывает, что голос глубокий, а мысль ясная, как у Аристотеля и бывает, что и голос, и мысль ясная, как у апостолов"²⁷⁹. В основе другого стилистического подразделения лежит принцип меры и глубины слова: "Надобно знать, что понятие письма делится на четыре [вида]. Бывает, что слова длинные и мысль воздержанная (Речь Моисея, обращенная к народу). Бывает, что слова умерены, а мысль длинная (слово Иова, Псалмы, Песня песен). Бывает, что и слова, и мысли являются умеренными, как в притчах..., так как являются назидательными. И бывает, что и слова, и мысли являются пространными, как у Исаи и других пророков"²⁸⁰.

Согласно Татеваци, толкование осуществляется несколькими способами: слово в слово, по мысли, по месту и по аллегории. "Во-первых слово в слово есть материальное толкование, а согласно мысли — духовное... В-третьих, сообразно месту — толкование в этом месте отличается от толкования в другом месте. В-четвертых, по аллегории — есть различные толкования согласно слову и уподобления мысли"²⁸¹. Можно заметить, что это деление дано также согласно прямому и иносказательному значению. В конечном счете к ним сводятся также различие обычного изложения, притчи, аллегории, свидетельства: "тем же — то же самое, другим — другое, тем же — другое, другим — то же. Первое — простое [изложение],

---

278. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 210 а.

279. **Григор Татеваци**. Толкование Псалмов, с. 37 б.

280. Краткое собрание притчей, с. 325 а.

281. **Григор Татеваци**. Книга проповедей. Зимний том, с. 191.

второе — притча, третье — аллегория, четвертое — свидетельство²⁸².

Татеваци особенно обстоятельно анализирует один из самых распространенных в средневековой литературе стилистических приемов — метафорическое слово. При этом, как метафору, так и аллегория и притчу он объединяет наименованием "иносказательное слово" или "иносказательная мысль", учитывая их общность, то есть метафоричность.

В метафоре он различает два уровня: естественный и моральный. Первый уровень выражает прямой смысл явления и именно на его основе возникает второй уровень (метафорическое значение). Приведем его же объяснение: "естественная" основа выражения "глаз мудреца в его голове" заключается в том, что глаз находится на голове. Однако речь здесь не об этом прямом значении, ибо "это говорится не о чувственном глазе и не о телесной голове, показывая, что у всех глаз расположен на голове, а речь идет о мысленном глазе и познавательной голове"²⁸³, то есть о восприятии и понимании. Это и составляет "моральный", то есть метафорический уровень выражения.

По мнению Татеваци, метафорическое восприятие выражения отчасти является следствием обычая. В качестве примера он приводит распространенное в его время выражение *uṇṇi ṇiḥ^ou* "имеешь дом?" (в значении "имеешь ли жену?"). Образование этого выражения, по его мнению, обусловлено ролью женщины в хозяйстве: "Жена является собирателем и копителем мужа и имущества, так как муж подобен реке, а жена — морю, куда стекаются реки... Жена называется творением Бога, потому что **без жены дом опустошается и основанием дома является жена**"²⁸⁴. Это и послужило причиной того, что понятия жены и дома начали восприниматься как равноценные: "Это ныне превратили в обычай и жену называют домом [и спрашивают] дом имеешь?, дом купил?"²⁸⁵ (что означает: имеешь жену?, женился?).

---

282. Григор Татеваци. Толкование Псалмов, с. 89 а. Нетрудно заметить, что во всех вышеуказанных делениях действует сочетание двучленных (a и b) компонентов: **aa, ab, ba, bb**.

283. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 190.

284. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 196—197.

285. Там же, с. 198.

В качестве причины возникновения метафоры Татеваци указывает и сходство двух явлений. Приведем пример, который присущ особенно средневековому мышлению и параллель на первый взгляд может показаться необычной. Речь идет о том, что сатану называли солнцем. Причина этого, по мнению Татеваци, в их сходстве: "Солнце иногда от избытка тепла, а иногда — от недостатка — вредит... таким же образом и сатана, согретый от любви мира и остывший от любви Бога — вредит"²⁸⁶. К "иносказательным словам" Татеваци причисляет также олицетворение предметов, животных, явлений, потому что оно также обладает метафорическим значением ("тем же обучают другому"). При этом, каждое животное выступает как носитель какого-либо человеческого свойства: "Различные пороки человека перевоплощаются [в животных], как например, алчность — в волке, жадность — в свинье, обман — в лисе, воровство — в мыши, лень — в осле, раздражительность — в собаке, лукавство — в верблюде, горделивость — в петухе"²⁸⁷.

Согласно Татеваци, важным условием выбора аллегорического символа в притче, метафоре является факт его привычности, известности, его признаки должны быть обзриваемы и подтверждены жизненным опытом. Поэтому в "иносказательных словах" пример "является близким и знакомым для всех"²⁸⁸. Наряду со всеми этими разъяснениями Татеваци неоднократно предупреждает, что "иносказательное слово" не надо понимать буквально. Нелепо думать, что выражение "безумец съел свое тело" означает, что некто неразумный съел свое тело: "ибо [сказанное] не означает, что человек ест свое тело, а посредством примера показывается, как одержимый злым духом беснуется"²⁸⁹. В "иносказательных словах" всегда надо искать истину: "Ловить истину, то есть понять истину, подобно тому как охотник наблюдает за добычей и ищет ее следы до тех пор, пока не обнаружит"²⁹⁰.

---

286. Там же, с. 39

287. **Григор Татеваци.** Толкование от Матфея, с. 238 б.

288. Там же, с. 194 б.

289. **Григор Татеваци.** Книга проповедей. Летний том, с. 248.

290. **Григор Татеваци.** Толкование "Книги бесед" Кирилла, с. 697.

Татеваци высоко оценивает роль и значение "иносказательного слова". Если Аристотель использование метафоры рассматривает как признак таланта, то по Татеваци ее понимание также не доступно всем, оно "скрыто от недостойных"²⁹¹. "Иносказательное слово" он сравнивает с лестницей, по которой "человеческая мысль поднимается вверх"²⁹². Оно способствует закреплению выученного, ибо "без наглядного примера мысль легко забывается, а благодаря удачному примеру сохраняется прочно"²⁹³. Оно способствует также подтверждению мысли, ибо "притча полезна для слова и является средством засвидетельствования"²⁹⁴.

По его мнению "иносказательное слово" имеет исключительное значение в Священном Писании: "Яркость солнца мы видим созерцая..., а яркий свет евангелия — иносказательным словом"²⁹⁵.

С хорошим теоретическим знанием метафорических форм, Татеваци сочетает умелое, многогранное их использование (речевые обороты, метафоры, образные сравнения): **созерцать мыслью познаваемое, душа тучнеет от пороков, латают ложь, как стену сплетать** (то есть защищать), **пребывал во рту на устах** (произносилось), **обнищать от грехов** (Новый толковый словарь армянского языка считает эту последнюю форму необычной и редкостной, ссылаясь лишь на используемое Максимом Константинопольским выражение "обнищать от зла").

Литературное наследие Татеваци особенно изобилует метафорами и образными сравнениями, к которым он обращается когда приводит примеры, при порицании и восхвалении и наконец с целью сделать сказанное более явственным: "Золото и драгоценный камень от солнца берут свой блеск, а мудрость светит как солнце"²⁹⁶; "Раскрытый рот раскольника (еретика)

---

291. Краткое собрание притчей, с. 324 б.

292. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 376.

293. Там же.

294. Григор Татеваци. Толкование Псалмов, с. 324 б.

295. Григор Татеваци. Толкование от Матфея, с. 192 а.

296. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 225.

извлекает зловонные мысли, а закрытый — выражает мертвые мысли"²⁹⁷. "Мудрый человек... подобен ярким звездам, которые несмотря на огромные размеры кажутся маленькими для наблюдателей. Поднявшись устремленной ввысь мыслью в небо, и, будучи безошибочным сам по себе, [мудрый человек] другим, то есть невеждам, кажется заблудшим"²⁹⁸.

Он анализирует многочисленные притчи, поясняет причины выбора того или иного аллегорического символа.

Оригинальны и разнообразны используемые им синонимы, антонимы, многозначные слова, ряды которых он иногда пополняет новосозданными им самим словами (путем словосложения и аффиксации)²⁹⁹.

Обильное использование синонимов позволяло, с одной стороны, избежать повторов, а с другой — дать всестороннее, целостное объяснение явления. Например, вместо слова *gisastl* (комета) он иногда использует слово *gisawor astl*, иногда *slac^eal astl*, а иногда — новосозданное слово *astlak^ewor* (которое должно быть *astlagewor*, то есть звезда, имеющая хвост). Чтобы не повторить словосочетание **krkin zineal** он обращается к словосложению и во второй раз использует слово **krknazēn**. С той же целью слово **angoti** (без пояса) он заменяет словом **goteloyc** (с отвязанным поясом). Говоря об орле и сообщая различные сведения о нем, Татеваци использует следующие эпитеты: летающий высоко, ясно-видящий, с холодным взглядом (*sarač^c*) (из его новосозданных слов), долгоживущий, царственный, превосходнейший. Он строит ряды синонимов из следующих слов:

<i>kocin, hescen, oľban, araxawen</i>	- рыдают, скорбят, плачут, каятся
<i>i sprā, i vaxčan, i verjkn^c</i>	- до конца, вконец, в конце
<i>husk yetoy, anagan, i verjin</i>	- после всего, нескоро, в конце
<i>dars</i>	века и другие.

---

297. Григор Татеваци. Толкование Псалмов, с. 15 а.

298. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 174.

299. Уверенные в том, что языково-стилистические особенности литературного наследия Татеваци могут стать предметом самостоятельного исследования, тем не менее мы представляем их некоторые стороны в качестве вспомогательного средства для освещения его теоретических воззрений.

Своеобразно и интересно индивидуальное употребление синонимов, что позволяет проследить каким образом средневековый автор находит сходство между различными по смыслу словами. К числу таких синонимов относятся:

canrařarž, coyl, trtmakeac ^c	- медленный, ленивый, унылый
oř mterim, zraxōs, zlačōī	- неискренний, клеветник, отступившийся
bazmamanuac, bazmahīws, bazmaniw ^t , bazmatiwr, bazmasut	- сотканный различными узорами; различно сотканный; многовещественный, коварный; искривленный; большая ложь.

Очевидно, что здесь существенное значение имеет учет смысловых оттенков. Например, первые три слова последнего ряда использованы в переносном значении, что раскрывается посредством двух последних синонимов: "сотканный различными узорами — то же самое, что и соединить различно сотканное, что есть многовещественное или искривленное или большая ложь (ρωσϕύσσησιον — bazmasut)³⁰⁰.

Последнее слово также является новообразованием Татеваци.

Татеваци умело использует также антонимы, характеризуя обозначаемые ими явления как "противоположные" или "несогласные". "Противоположными являются **утрата и обретение**, как **свет и тьма**"³⁰¹. "Истина является чистой и не содержит в себе ложь и противное себе, как тьма — свет, а **истинное** имеет в качестве противного себе **ложное**, как свету — тьма"³⁰². Он подметил, что посредством антонимов обозначаются расположенные на противоположных полюсах явления. "**Враждебность** является верхней крайностью, а **кротость** — нижней и повсюду они противоположны друг другу"³⁰³. Однако, не все явления

300. Григор Татеваци. Толкование "Книги бесед" Кирилла, с. 762.

301. Григор Татеваци. Толкование от Матфея, с. 162.

302. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 173.

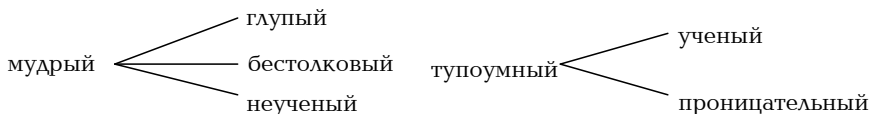
303. Григор Татеваци. Толкование от Матфея, с. 76 б.

наделены противоположным полюсом, как, например, истина или мудрость, "Истинное иногда переходит в ложное, как мысли Любомудров, а истина никогда не меняется"³⁰⁴. "Опять-таки, так как все вещи имеют и свою противоположность: **богатство — бедность, здоровье — болезнь и жизнь — смерть**. А истине ничто не противоположно"³⁰⁵.

Используемые Татеваци антонимы также можно группировать по принципу всеобщего или частного применения. Первые составляют довольно большое число:

geleŝkutiwn - tgeŝutiwn	красота- безобразность
uraxutiwn - trtmutiwn	радость - горе
uŝim - apuŝ	смешливый - глупый
xoragēt - parzamiŝ	мудрый - простодушный
barebaroy - ŝarabaroy	добронравный - злонравный

Иногда для одного слова Татеваци приводит несколько антонимов, которые в свою очередь составляют синонимический ряд:

Индивидуальные антонимы иногда являются неоднородными в структурном плане (скажем один выражен словом, а другой - словосочетанием):

говорун - скромный на язык
колодец - безводная яма

Существуют антонимы, которые противоположны своими составными частями и дополнениями:

раннее утро и поздний вечер
враги непримиримые и возлюбленные неразводимые.

Татеваци иногда обращается и к такому стилистическому

304. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 173.

305. Григор Татеваци. Книга вопрошений, с. 178.

приему, как оксюморон (когда явление характеризуется противоположным признаком):

добрый гнев

злая кротость

Известно, что в пословицах, поговорках употребление антонимов является весьма распространенным средством выражения, как, например: "Будь пленником мудреца, но любимым невежды - нет", "Снаружи - священник, изнутри - сатана". Поэтому крылатые слова, афоризмы Татеваци, содержащие антонимы, близки к народному фольклору:

Будь **глупцом** в отношении зла и **мудрым** в отношении добра.

Кто **летом** ходит из стороны в сторону, **зимой** ходит от двери к двери.

Конечное не может знать и узреть **бесконечное**.

Не всякое **первое** является благородным, не всякое **последнее** - презренным.

Врачевание души причиняет телесную горечь.

Несовершенный отец может породить **совершенного** сына, как **слепой** отец - **зрячего** сына.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЛОВОТОЛКОВАНИЯ И ЭТИМОЛОГИИ В ТРУДАХ ГРИГОРА ТАТЕВАЦИ

Этимология и толкование слов — распространенное явление в средневековой армянской грамматической литературе. Все увеличивающийся разрыв между письменным и разговорным языком заставлял грамматиков, а также толкователей в своих трудах обращаться к толкованию и объяснению многочисленных слов. Средневековые армянские грамматики называют это этимологией, хотя действительно с научной этимологией³⁰⁶ мы встречаемся в работах немногих авторов.

Однако примечателен тот факт, что армянские грамматики, в отличие от европейских авторов, проявляют более серьезный подход к этимологии³⁰⁷. Давид отмечает, что "эта способность присуща не всем, а лишь благорассудительным"³⁰⁸. Григор Магистрос, который разработал ряд научных принципов этимологии, также находит, что "не всем присуще знать это, но только мудрым"³⁰⁹.

Подобным же образом относятся к этимологии Ованес Ерзынкаци и Григор Татеваци, которые, следуя Магистросу, важнейшим условием этимологии считают знание других языков. "Ибо если кто-то владеет всеми языками, то не затрудняется ни в каком слове", — пишет Татеваци³¹⁰.

Толкование и этимологию слов Татеваци считал необхо-

---

306. Термин "этимология" мы используем с некоторой оговоркой, потому что, как известно, этимология как таковая появляется лишь с XIX века, а средневековые армянские грамматики были знакомы лишь с определенными принципами научной этимологии.

307. См.: **Джаукян Г.** Грамматические и орфографические труды в древней и средневековой Армении. Ереван, 1954, с. 213. На арм. яз.

308. Там же, с. 134.

309. Там же, с. 213—214.

310. **Григор Татеваци.** Книга вопрошений. Константинополь, 1729, с. 297. На древнеарм. яз.

димым, потому что слова обладают внутренними значениями, которые часто искажаются со стороны невежественных читателей и писцов: "Истинный смысл скрыт внутри слов и сочинений, который извращается неучеными писцами, простаками и невежественными читателями. Ясно, что и мысль искажается ими"³¹¹. То есть искажение слов ведет и к искажению мысли. Следовательно, объяснение и этимология слов имеют вдвойне большую ценность.

Татеваци различает этимологию и объяснение слов. В первом случае, если он имеет дело с заимствованным словом, то этимологизирует слово данными того языка, из которого оно заимствовано, а во-втором, то есть при объяснении дает основное значение (или значения). Примечательны этимология и толкование слова "канон": "По этимологии канон означает канон, то есть точность, порядок и закон, а согласно толкованию называется правилом"³¹².

Обобщая приведенную в этом направлении Татеваци работу, отчетливо можно выделить два основных его принципа этимологизации:

1. Принцип так называемой "народной этимологии" (при этимологизации слов он главным образом руководствуется этим принципом);

2. Научный принцип этимологии (в основном распространяется на заимствованные и звукоподражательные слова).

Среди них по смысловому полю можно выделить группы собственных имен, географических названий, церковных ритуалов, названий месяцев.

По своему объему словотолкования превалируют над количеством этимологизируемых слов. Они в научном смысле более значимы и интересны, тем более, что, как уже было отмечено, они не включены в свидетельства "Нового толкового словаря армянского языка", а в "Армянском коренном словаре" Р. Ачаряна отражены частично.

Заметив, что в армянском языке значительная часть слов

---

311. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115, с. 196 б.

312. Григор Татеваци. Книга вопрошений, с. 538.

полисемантическая, Татеваци перечисляет многочисленные значения слов, создавая таким образом большой список синонимических слов. С другой стороны, часть объясняемых им слов составляют те слова, которые становились непонятными, выходили из употребления или претерпевали изменения в своем значении. На основе их списков можно делать некоторые заключения относительно происходящих в этот период изменений в лексике армянского языка. Кроме того, эти толкования представляют и самостоятельную историческую ценность, так как являются одним из ранних попыток объяснений слов и значительная их часть обладает научным характером и приемлема и на сегодняшний день.

3.1. Словотолкования

Словотолкованиями Татеваци начал заниматься еще в бытность дьячком. В 1371 г. он копирует одну рукопись, которая наряду с философскими трактатами содержала и написанный армянскими буквами трехязычный арабо-персидско-армянский словарь³¹³. Этот факт интересен постольку, поскольку в дальнейшем он в процессе объяснения слов для нахождения эквивалентов иногда обращается и к другим языкам, в том числе к арабскому и персидскому. Однако, по сравнению с греческим и древнееврейским, число их незначительно.

В словотолкованиях Татеваци можно выделить следующие группы:

- а) группа синонимов;
- б) группа омонимов;
- в) группа слов, ставших непонятными к этому времени и приобретших стилистическую ограниченность;
- г) слова, которые он объясняет по-новому;
- д) слова, эквиваленты которых приводятся из других языков.

Татеваци использует термины *hohanun* (одноименное), *vazmanun* (многоименное), *ṣalanun* (соименное), *yaṅanun* (отыменное).

---

313. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 7151.

Подобно другим средневековым грамматикам он не разграничивает одноименные и многозначные слова, термин одноименное (*hamanun*) в равной мере используя для выражения обеих групп слов. "Одноименное когда имя общее, а сущности разные"³¹⁴. "Одноименное показывает сколько значений имеет [слово]"³¹⁵.

Как было показано в предыдущей главе, он разграничивает многоименное и соименное. Термин многоименное в современном армянском соответствует термину синоним ("многоименное едино по вещи").

Термин **hamanun** он использует как равнозначное термину "многоименное", то есть подобно многоименному это также различные наименования того же явления: "Бесплодными разноименно называются евнухи" (**Amulk^c hamanun nerk^cinik^c kocin**)³¹⁶.

Антонимы рассматриваются как слова, обозначающие "несогласные" и "противоположные" друг другу явления.

Иногда Татеваци обращается к логическим терминам рода и вида ("Епитимья является родом и делится на три вида или на три части. Первый вид — раскаяние, второй — исповедание, третий — воздаяние")³¹⁷, а также сообразного ("Воля и сила являются сообразными")³¹⁸.

Среди словотолкований значительное число составляют синонимы, главным образом двусоставные и трехсоставные, сравнительно меньшее число — многосоставные. Они разнородны и в смысловом, и в стилистическом, и в структурном плане³¹⁹. Мы выделили группу синонимов, представляющих интерес особенно в аспекте истории их образования. "Новый толковый словарь армянского языка" эти слова причисляет к синонимам, между тем как в эпоху Татеваци они воспринимались как слова с различными значениями:

314. Григор Татеваци. Толкование "Книги бесед" Кирилла, с. 691.

315. Там же, с. 530.

316. Григор Татеваци. Толкование от Матфея, с. 249 б.

317. Григор Татеваци. Толкование Псалмов, с. 52 б.

318. Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том, с. 175.

319. Об этих принципах подробнее см.: **Мелконян С. А.** Очерки стилистики армянского языка. Ереван, 1984. На арм. яз.; **Сукиасян А. М.** Синонимы в современном армянском языке. Ереван, 1971. На арм. яз.

panduxt, nšdeh, ek

xēt^c, ox, k^cēn // **neng**

hiwandut^ciwn, **tkarut^ciwn**, c^caw

křiw, **mart**, **paterazm**

alkat^c, **tnank**

erkrpaganel, **paštel**

goł, **awazak** // **yařštakōł**;

panduxt - человек, который пришел из другой области и нуждается в жилище, потомстве и других вещах (Книга проповедей. Летний том, с. 360).

nšdeh - человек, который по своей воле оставил свой народ и родину и странствует по чужбине (там же).

ek - человек, который пришел и присоединился к нам и нуждается в вере и добрых делах, наставлении и обучении и к которому необходимо проявлять больше сострадания и дать все необходимое (там же).

xēt^c - остаток гнева (Толкование от Матфея, с. 105 б).

ox - остаток зависти, злобы (там же).

k^cēn ew neng - остаток ненависти, так как речь идет о слове (там же).

hiwandut^ciwn - уменьшение здоровья (там же, с. 70 а).

tkarut^ciwn - уменьшение мощи (там же).

c^caw - имеет место в чувствительных нервах (там же).

křiw - это то, что происходит посредством языка (Книга проповедей. Летний том, с. 393).

mart - означает лично (там же).

paterazm - то, что мечом и луком (там же).

alkat^c - человек, который со дня рождения лишен имущества и достатка (там же, с. 359).

tnank - человек из знатного рода, который разорился и обнищал (там же).

erkrpaganel - боготворить телом и мыслью, преклонить колена (Толкование от Матфея, с. 59 б).

paštel - выполнение заповедей, то есть того, что в мыслях:

вера, надежда, любовь. Преподнесение подарков и прославление словами, также называется поклоняться (там же).

goɹ - тот, кто тайно обманывает, того называют вором и притеснителем..., так как тот, кто украдкой уносит имущество из дому называется вором (Книга проповедей. Летний том, с. 25).

yaṙṣṭakōɹ, **awazak** - те, кто открыто грабят на дорогах (там же).

Сопоставляя объяснения "Нового толкового словаря армянского языка" и Татеваци, нетрудно заметить, каким образом эти слова превратились в синонимы, хотя и не все они являются абсолютными синонимами. Это обстоятельство прежде всего обусловлено наличием общей смысловой точки соприкосновения. Так, например, для слов **panduxt**, **nšdeh** общим является **удаление из отчего дома**, пребывание на чужбине, однако в отличие от слова **panduxt**, которое означало **человек, перебравшийся из одной области в другую**, **nšdeh** назывался **человек вообще оставивший пределы своей родины**. Слово **panduxt** впоследствии стало употребляться и во втором смысле, а **nšdeh** перешло в число малоупотребительных слов³²⁰.

Упомянутые объяснения Татеваци имеют исключительное значение для исторической лексикографии. Ссылаясь на Татеваци можно твердо сказать, что смысловое разграничение вышеупомянутых слов отчетливо воспринималось до начала XV века, с другой стороны, они представляют ценность для лексикологии, стилистики, так как в частности акцентированием смыслового различия этих слов Татеваци обращает внимание на правильном употреблении слова.

Следующая группа синонимов в структурном смысле неоднородна, то есть слово объясняется посредством сопоставления, перифразы, словосочетаний, включающих определенные и другие дополнения:

---

320. Ср. с объяснениями "Нового толкового словаря армянского языка":

Panduxt — удалившийся из родной страны, странствующий по чужим странам, изгнанник, **чужестранец**, **пришелец**.

Nšdeh — иноземец, иностранец, **пришелец**.

Էк — пришедший извне: иноземец..., **пришелец**, беженец.

anapatn - каменистое и **неудобное место**, необитаемое и лишенное всего необходимого пространство (Книга проповедей. Зимний том, с. 105).

bazmabaĵjik - то есть **желаемое для многих** (Толкование "Книги бесед" Кирилла, с. 606).

erkncĭl - сомневаться и **причинить недоверие**, сомнение (там же, с. 713).

xorsil - **избегать** (там же, с. 647); (**ĵunju unŵ**).

miamit - **быть единоклубным**, единомысленным; не **быть недоумевающимся и сомневающимся; быть правым**, безгрешным (Толкование от Матфея, с. 156 б).

lusin - называют **госпожой неба** (там же, с. 26).

šairpaĵr - то есть запутанные и **несогласные друг с другом** (Толкование "Книги бесед" Кирилла, с. 750).

paĵatel - **настоятельно просить** (там же, с. 647).

parzamt - **быть откровенным**, чистым (Толкование от Матфея, с. 156 б).

patsparel - **укрепиться с тыла сзади** (Книга проповедей. Летний том, с. 531).

čōĵn - **ранний дождь** (там же, с. 700).

msurn - место для вскармливания несмышленных [младенцев] (Книга проповедей. Зимний том, с. 45).

matuĵn - **большой купол** (там же, с. 88).

Имеются немногочисленные примеры, когда словосочетание объясняется отдельным словом:

yord anĵrew - называется **ливнем** (там же, с. 18).

oč barekirt - то есть **непонятливый** или **невразумительный** (Толкование "Книги бесед" Кирилла, с. 594).

Следующая группа синонимов выступает в стилистическом различии, то есть параллельно даются литературные и разговорные, литературные и диалектные, общеупотребительные и малоупотребительные, действующие и недействующие формы:

hayhoyutciwn - согласно мужицкому языку переводится как **ругань** (Книга проповедей. Летний том, с. 81).

čĵlanc - что означает **подол, пола** (Толкование Псалмов, с. 82 а).

džuarəmbər - невыносимый (Книга проповедей. Зимний том, с. 121).

knik^c - отпечаток перстня (там же, с. 68).

kcarb - то есть басилевс (Книга проповедей. Зимний том, с. 136).

И, наконец, последняя группа синонимов относится к тому типу словотолкований, в котором параллельно даются исконные и заимствованные формы:

ansuažutiwñ - который называют **p^cēhriz** (голод) (Книга проповедей. Летний том, с. 359).

arñawat^cēay - как ^ccašni (обручение) (рук. N 1115, с. 202 а).

armaw haw - другие называют **p^ciwnik** (феникс), которая в Аравии, которая уничтожает себя огнем и вновь воскрешает (Книга вопрошений, с. 50).

šusan - произрастающее в море растение с желтым цветочком, которое называют **nunufar** (гиацинт) (Толкование от Матфея, с. 123 б).

poł - то, что другие народы называют **nayin** - духовой инструмент (там же, с. 145 б).

kiancñ - то, что другие народы называют ^cclnk подол (Толкование Псалмов, с. 82 а).

k^cusit^cay — то есть **cful** (Книга проповедей, с. 175)³²¹.

В словотолкованиях выделяется одна группа, которые будучи вариантами того же слова и образованные путем метатезы, аффиксации, прибавления или сокращения звука, объясняются Татеваци как слова с различными смысловыми значениями. Эти толкования также интересны в плане истории слова, потому что грамматическое явление стало причиной изменения значения слова и его превращения в отдельную самостоятельную единицу. К числу таких дифференцированных пар в толкованиях Татеваци относятся слова:

---

321. В этом последнем случае заимствованными являются оба слова: **k^cusit^cay** — является заимствованием с сирийского, а **cful** хотя не этимологизировано, однако что оно является заимствованным словом не вызывает сомнения, так как по свидетельству **Р. Ачаряна** оно употребляется лишь у **Татеваци** (Коренной словарь армянского языка. Т. 2, с. 476).

dʒgmneṣay — означает скорбеть (Анализ искусства письма, рук. N 1115, с. 201 а).

gʒdmneṣay — сердиться (там же).

drzeṣay — обмануть (там же).

dʒreṣay — преступить (там же).

drsovel — осуждать (там же).

dsrovel — порочить (там же).

krč̣tel, krč̣el - говорит не **krč̣tel**, а **krč̣el** - скреже-
тать зубами, ибо это происходит по принуж-
дению, а не по своей воле (Толкование от
Матфея, с. 195 б) ("Новый толковый словарь
армянского языка" слово **krč̣tel** объясняет
как "скрежетать зубами", а **krč̣el** - "произ-
водить отрывистые звуки зубами или
касаться друг друга силой и особенно
вследствие стужи", т. е. также отмечается его
принудительный характер (как дрожание от
стужи), что и подчеркивает Татевацци).

cʳruel, cʳrel; cʳruel

- уйти, а **cʳrel** - потерять, погубить (Толкова-
ние от Матфея, с. 307 а) (для слова **cʳruem**) в
"Новом толковом словаре армянского языка"
не дается значение уйти, однако в приво-
димых свидетельствах оно содержится, как
например, "удалился (**cʳruescʳaw**) народ его от
него".

bxumn, b̄ixumn; b̄ixumn

- (происхождение, истечение) имеет два звука
̄i, x. **B̄ixumn** — относится к тому, что касается
Бога и души. А одно письмо **x (bxumn)**
относится материальным истечениям, как
например, источник света и многое другое
(Толкование псалмов, с. 79 б). Считаю нужным
обратить внимание на следующее
обстоятельство: из этих двух форм — **bux** и
bux̄i — начальной является форма **bux** (см.
Ачарян Р. Корневой словарь армянского языка,
соответствующая словарная статья). Как можно
заметить, косвенное отражение этого имеется
и в объяснении Татевацци: для выражения
происхождения, истечения, как правило, он
употребляет форму **bxumn** (света и "многого
другого" подобного рода), а для выражения
происхождения в иносказательном смысле
(который выделился впоследствии) - форму
b̄ixumn.

Следующая большая группа словотолкований — группа **омонимов**. Как уже было сказано, Татеваци для этой группы, как и для многозначных слов употребляет термин одноименное:

sring — некоторые называют **музыкальные звуки**, некоторые — звуки **кимвала**, а некоторые — звуки, **производимые свирелью** (Толкование Псалмов, с. 6 а). В современном армянском языке это слово сохранилось лишь в своем последнем значении;

rcaylakn — некоторые называют **Меркурий**, некоторые — **сияние, молнию**, которое, происходит от облаков, но здесь он говорит о **солнце** (Краткий анализ Введения Порфирия, с. 334). В современном армянском языке употребляется во втором смысле — света молнии, как и в смысле молнии;

gric — называется **художник и инструмент** (Анализ искусства письма, с. 196 б). В современном армянском языке как общеупотребительное слово используется во втором значении, а в первом — как редко употребляемое слово;

śusan — бывает трех видов: во-первых, [это растение] произрастающее в море с желтыми цветочками, которое называют **nunufar** (гиацинт); во-вторых, это **дикое** [растение] с белыми [цветочками], которое произрастает во время дождя; в-третьих, это **красное** [растение] и цветет [благодаря] солнечным лучам (Толкование от Матфея, с. 123 б). Название "**śusan**" в современном армянском языке сохранилось для обозначения второго из указанных видов. Для обозначения первого вида употребляются названия "**harsnamat delin** (желтая лилия), "**nunufar**", "**kokor**", для третьего — **traśusan** (гладиолус) (см.: **Казарян Р.** Словарь ... названий растений. Ереван, 1981);

xorisx — некоторые называют **мед**, некоторые — **хлеб**, приправленный маслом и медом (Книга проповедей. Летний том, с. 685). В первом случае речь идет о сотах, во втором — о начинке, приготовленной из муки, масла и меда. Татеваци приводит также омонимы, которые и в настоящее время воспринимаются как таковые:

kēt — есть одноименное: **kēt** называется рыба (кит) и точка (Анализ искусства письма, рук, N 1115, с. 211 а);

lezu — называется орган речи, **lezu** называется также свойство, качество речи (Книга вопрошений, с. 297);

arjanagirn — имеет два значения: во-первых, это то, что пишем на камнях; во-вторых, когда историю излагаем на бумаге (Толкование Псалмов, с. 27 а).

Как мы уже отметили, Татеваци в ряд омонимистических включает также многозначные слова, при этом перечисляя среди значений зачастую и их иносказательные употребления:

psak (венец) — подобно царям называют также и мучеников, и свадьбу, и цветочки растений, и плоды деревьев, и главную часть [тела]. [Венец] обозначает все это в их совершенстве (Книга проповедей. Летний том, с. 670);

ճանարհ (путь) — означает дорога, на которую человек ступает ногой, означает также дорога жизни, поступков, обычаев, возвышения души, исследования мысли (Толкование Псалмов, с. 67 а);

astuac (бог) — является одноименным и имеет три значения, то есть истинный бог, бог по названию и ложный бог... Бог по названию обладает не сущностью бога, а чертами его, как святые из людей. А ложные боги не обладают ни сущностью, ни чертами бога, как идолы. Истинный бог пишем с титлом (**սժ** — С. Г.), по названию — полностью **սիսնսժ** — С. Г.), а ложный - с титлом внизу (**սժ** — С. Г.) (там же, с. 91 а).

Татеваци дает новое объяснение некоторым словам;

artakertin — те, кто под внешним воздействием исказили письмо и мысли (Анализ искусства письма, рук. N 1115, с. 197 а). (Ср.: Новый толковый словарь армянского языка — "выводить, производить, опубликовать, обнародовать, или вынести на алтарь"). Основой для новотолкования Татеваци послужило следующее. Опираясь на значения "вне, внешний" (**art**) первого компонента слова, Татеваци использует его в смысле "чужой, не родной", то есть творить под чужим влиянием, а следовательно не остаться верным собственному, своему, извратить его. Последнее значение — "исказить под чужим воздействием";

err — означает воздух (Книга вопрошений, с. 190). (Ср.: "Новый толковый словарь армянского языка" — "как разрушающее

кипение, наполненная червями жидкость, гниение, червоточина, тление"). Р. Ачарян также объясняет как "червоточину, тление, гниение". Объяснение Татеваци остается единственным в своем роде.

tʿayratʿotk^c — так называются не только те, которые являются нищими и чужеземцами, но и богатеи и соплеменники (Толкование от Матфея, с. 161 а). (Ср.: "Новый толковый словарь армянского языка" — "семья, ближние". Согласно Р. Ачаряну — "родственник, свойственник"). Объяснение Татеваци и здесь остается единственным;

me ɹ rapop — что есть арбуз (Книга проповедей. Летний том, с. 42). (Ср.: Новый толковый словарь армянского языка — "плод ароматный, подобно маленькой дыне с формой арбуза; сорт дыни");

paṭawakan — говорится о давних и щедушных и легковерных хвастовствах (Книга Бесед, с. 694). (Ср.: Новый толковый словарь армянского языка — "то, что пристойно, свойственно старухам").

В своих словотолкованиях Татеваци иногда обращается к образованным им новым словам, составленных путем словосложения и аффиксации, то есть рассматривает явление в новом аспекте посредством нового критерия восприятия и понимания. Поскольку в его литературном наследии новые слова составляют значительное число, считаем нужным вкратце коснуться их. В своей работе "Новые армянские слова в древней литературе" Р. Ачарян, сравнивая лишь "Толкование "Книги бесед" Кирилла" Татеваци с оригиналом, пишет: "Эта работа Григора Татеваци опубликована вместе с Книгой Бесед Кирилла. "Новый толковый словарь армянского языка" хотя и использовал эту книгу, однако вовсе не касается Толкования Татеваци. То же самое повторили и авторы "Карманного словаря". И именно по этой причине в сравнительно небольшой работе в 260 страниц находим 41 новых слов"³²². Однако, нужно отметить, что новые слова, содержащиеся не

---

322. Ачарян Р. Новые армянские слова в древней литературе. Т. 2. Венеция, 1926, с. 83. На арм. яз.

только в этой работе Татеваци, но и во всем его литературном наследии не исследованы со стороны филологов.

Ниже приводятся те обнаруженные нами новые слова Татеваци, которые употреблены или в ряду синонимов (принимая во внимание, что эти слова в данном случае приобретают значение словотолкования), или же включены в объяснения слов:

"***diwasayt^cak^c** — (спотыкающийся от дэва) и низменная сущность (Книга проповедей. Летний том, с. 307);

"стали первородными и ***naxapatarag**" (первожертвоприношение) (Толкование от Матфея, с. 38 а);

"были истоптаны и ***ǰrkoys** " (погружены в воду) (Там же, с. 188 б);

"отказывающийся, ***basrasē** (любящий поношение), хули-тель" (Книга Бесед, с. 775);

надсмотрщик — то есть "надсмотрщик, есть ***hayeak**" (Книга проповедей. Зимний том, с. 182);

"***irakea (irakem)** — сделай вещь" (Анализ искусства письма, с. 212 б);

"***čragaloyc** — так как по вечерам свечой разрешаем пост" (Книга проповедей. Зимний том, с. 31);

***č^cmardamoyrk^c** — из числа неимущих (Книга проповедей. Летний том, с. 360);

серебро — ***t^cerep^c** (несовершенное) золото (Толкование Псалмов, с. 24 а)³²³.

323. Новые слова выделены звездочкой.

К числу других новообразований Татеваци относятся: ***akOsaherj**, **akOsadreal**, ***džuarhamber** (в смысле трудно преодолимый); ***ink^cinapart**, ***krknazēn**, ***mia-^creǰki** (одностворчатая), ***odasirk^c**.

В древней литературе имеются многочисленные словосложения со словом "oj" (змея). "Новый толковый словарь армянского языка" приводит около тридцати форм. Татеваци добавляет три новообразования: ***ōjatanǰ** (наказанный змею), ***ōjaxab** (обманутый змею), ***ōjačarčar** (мучимый змею).

Смысловые связи имеют также новообразования ***gičasē** и ***ǰrasnoyck^c**. Первое приводится как антоним скромности, при помощи второго характеризуется сладострастие.

Новообразованными являются также следующие слова: ***sralsōǰ** (обладающий острым слухом); ***paranoc^cat^cawal** (в значении погрязший по пояс);

Интересно, что в словообразовании отражено средневековое понимание явлений и понятий. Так, например, первоначальное значение слова *vayrakars̃* связывается с сатаной, местообитанием которого являлась земля — низ. В этом смысле новообразование ***diwasayt^cak^c** непосредственно выражает первоначальное значение слова *vayrakars̃* и по-новому дополняет ряд слов *storakars̃*, *erkrakars̃*, *vayrakars̃* подчеркивая, что они означают также спотыкаться, совращаться под действием злой силы. То же самое касается и слова ***naxapatarag**, которое здесь употреблено в смысле первой литургии — духовного дара Богу.

Часть новых слов является результатом различения религиозных ритуалов. Так, зажжение свечи перед литургией Татеваци называет *čragaloyc^c*, а зажигание свечи, символизирующее завершение поста — *čragaloyc*. К ним он добавляет также слово *čragaloys*.

Подобным же образом он различает слова **apakanut^ciwn** (разрушение) и **makapakanut^ciwn** (**mak**—на, наверху); вместе со словом антифон употребляет слово ***ařawoterg**.

**vaiacanōt^c* (давно знакомый); *vatates (в смысле плохого зрения); **sara^čc^c* (обладающий холодным взглядом); *endasoyz (*arar*) (окунуться); *hařandam (худой, истощенный); **řanadēm^c* (обладающий собачьим обликом) *astlakewor (комета).

Татеваци часто обращается также к таким способам образования новых словоформ, как аффиксация, или же наоборот сокращение аффикса и перенос аффиксов. Например, на основе принятых форм *erkxos*, *xosnayt*, *kisamak^cur*, *kisasurb* посредством аффикса **-ut^ciwn** создает существительные ***erkxosut^ciwn**, ***xosnayrut^ciwn**, ***kisamak^crut^ciwn**, ***kisasrbut^ciwn**. Наоборот, слова *anjnyargut^ciwn*, *xstakronut^ciwn* употребляет в форме ***anjnyargu**, ***xstakron**, первую как составляющую сопоставления, вторую - как определение.

Имеются также редкие случаи переноса аффиксов: вместо *bařařank^c* - **bařařimunk^c*, вместо форм *nerhakabar*, *bac^catrapēs* - ***nerhakoren**, ***bac^catrabar**. В ряду синонимов *dandačel*, *barbařel* приводит также форму ***endvayrabanel** (в словарях указываются лишь формы *endvayraban*, *endvayrabanut^ciwn* - болтун, пустословие).

Некоторые из этих слов - *irakem*, *miapēiki*, *naxapatarag* впоследствии Григор Пештмалчян включил в свой словарь (см.: Пештмалчян Гр. Словарь армянского языка. ТТ. 1—2. Константинополь, 1844-46. На арм. яз.).

Среди словотолкований Татеваци в качестве отдельной семантической группы выделяются объяснения драгоценных камней:

biwreĭ — камень этот подобен морю и воздуху, сходный с рубином (Книга проповедей. Летний том, с. 465);

dahanakn — зеленый изумруд, который является лекарством для глаз (Толкование от Матфея, с. 8 б);

zmruxt — камень зеленого цвета, питающийся оливковым маслом (Книга проповедей. Летний том, с. 465);

aĭnkna^cakarn — камень этот цвета человеческого ногтя (там же);

ko^ccazm — камень медного цвета, который иногда называют искра (там же);

yaspis — камень цвета яспа, зеленый как изумруд (там же);

šapiw^cĭay — камень этот своим голубым цветом подобен небу (там же);

oskēk^car — камень этот имеет сходство с блеском золота (там же);

karkehan — камень абрикосового цвета (там же, с. 466);

yakint^c — обладает небесным свойством и светит (там же);

sarbion — имеет яркий огненный свет, обладает целебным свойством, исцеляя раненых (там же, с. 465);

sutakn — искра и карбункул (Толкование от Матфея, с. 8 б);

t(ə)pazion — камень этот красного цвета подобно молнии. Если кто-то смотрит на него, то выздоравливает (Книга проповедей. Летний том, с. 465).

А какие смысловые изменения претерпели объясненные Татеваци слова по сравнению с современным армянским языком? Некоторые из них уже при его жизни стали труднопонятными или имели ограниченное употребление. Часть этих слов и сегодня не употребляется: они уступили место другим словам с идентичным значением, которые содержатся в толкованиях самого Татеваци:

aĭx — имущество и достояние человека (Книга проповедей. Летний том, с. 360);

aspar — оружие... орудие защиты (Толкование Псалмов, с. 58 а);

drsovel — то же самое, что и хулить (Анализ искусства письма, с. 201 а);

ezabanel — означает объединиться (там же, с. 198 б);

šaiṛaiṛel — означает запутывать мысли или пустословить (там же, с. 196 б);

Расширением значения слова, сужением или вообще в новом значении выступают слова *anparišt*, **imastak**, **xrat**, **hangamank**^c и многие другие:

anparišt — называется неверный и безбожный, как идолопоклонник, также и еретик (Книга проповедей. Летний том, с. 439);

imastak — называются те, которые владеют одним искусством, как-то: грамматикой, риторикой, астрономией и другими (Книга вопрошений, с. 269);

xrat — воспитание и учение (Анализ искусства письма, с. 198 б);

sring — некоторые называют музыкальные звуки, некоторые — звуки кимвала, а некоторые — звуки, производимые свирелью (Толкование Псалмов, с. 6 а). В этом объяснении Татеваци следует отметить следующее обстоятельство. Известно, что звучание флейты (свири) называлось также *šrinč*^c или *šrinč*^c, возможно, некоторые авторы (которых упоминает и Татеваци) установили связь между словами **sring** и *šrinč*^c. Второе объяснение (некоторые называют звуками кимвала) находим также у Еремии Мегреци³²⁴.

Некоторые слова вообще вышли из употребления, что было обусловлено внеязыковыми факторами. Так, с исчезновением того или иного социального явления или обычая из употребления выходило также обозначающее данное явление слово:

lumar^coxk^cn и *hatavac^carkn* — подобно купцу, который разменивает золото на серебро и серебро на медные деньги и ссужает деньги тем, кто не имеет серебра и таким образом получает прибыль, хотя закон запрещает обогащение серебром (Толкование от Матфея, с. 262 а);

---

324. Еремия Мегреци. Словарь армянского языка. / Подг. издания Г. Амаляна. Ереван, 1975. На арм. яз.

p^česawēr — в доме, где свадьба у людей обязательно присутствуют жених и дружка; жених является хозяином невесты, а дружка — хозяином свадьбы (Книга проповедей. Зимний том, с. 164).

Изменения в значении слов произошли также среди приведенных Татеваци омонимов и многозначных слов. Они также или вышли из употребления, уступив место идентичным словам, или же потеряли омонимистичность, многозначность, обусловленных исчезновением данного явления. В качестве примера приведем лишь объяснение слова **margarēut^čiwn** (пророчество), которое по мнению Татеваци является омонимом (по его терминологии — одноименным):

margarēut^čiwn — природное, как у зверей, животных, птиц, муравьев;

— согласно искусству, подобно тому как врачи познают здоровье и болезни, а кормчие — волнение и спокойствие волн;

— дьявольское, как у лживых пророков и идолов, а сегодня у колдунов и чернокнижников..., которые совершенно лживы. Надобно знать, что астрологи исходят из искусства, знания, но впадают в колдовство;

— простонародное, говорится по обыкновению... на основе опыта (красноватое небо утром и вечером, как утверждают, является знаменем дождей и засухи);

— истинное пророчество... (Толкование от Матфея, с. 101 а).

Таким образом, одним и тем же словом Татеваци обозначает не только пророчество, но и инстинкт, знание, предвидение и знамение, которые в современном армянском языке четко различаются.

Вкратце коснемся и способов словотолкований Татеваци. Для объяснения слов он использует несколько способов. Иногда он приводит описание предмета, явления, как, например:

alein (лук) — это палка, обтянутая жилами и укрепленная тетивой (Толкование Псалмов, с. 78 а);

črag — лампада — то есть светильня, масло и зажженный свет (там же, с. 31 б).

Более часто он объясняет слова группируя их, проводя параллели, показывая основные различия и сходства:

p^coxadrel, p^coxatrel — одно дело **p^coxadrel** и другое **p^coxatrel**, так как **p^coxadrel** означает полное изменение природы вещи, которая не остается тождественной себе. То же самое и **p^coxarkel**. А **p^coxatrel** когда соединяется с другими вещами и остается без изменения (Книга Беседа, с. 545).

taḷand, litr, dahekan... — **taḷand** является наименованием меры весов, как говорят 125 литров; литр — 72 золотых монет или же талантов и **k^cank^car** или же **mⁿas** (старинные монеты). (Толкование от Матфея, с. 246 б).

А иногда считая существенным одно из значений, признаков Татеваци представляет его в качестве основного толкования:

kart^c, urkan — близкий называется **kart^c** (удой), а удаленный — **urkan** (тенетами) (Толкование от Матфея, с. 68 б);

molorel, tarakusel — **molorel** (совращение) касается чувств, а **tarakusel** (сомнение) — разума (Анализ искусства письма, рук. N 1115, с. 197 а);

orēnk^c, patuēr — **orēnk^c** (закон) касается необходимости, принуждения, а **patuēr** (повеление) — воли (Книга вопрошений, с. 340).

Обобщая сказанное относительно словотолкований Татеваци, необходимо отметить, что они представляют интерес во многих смыслах. Во-первых, как свидетельство современника относительно употребления слова в данном значении. Например, согласно нашему современному языковому мышлению "духовная борьба" означает борьбу во имя духовных ценностей, а в объяснении Татеваци присутствует средневековое понимание этого явления. "Что такое духовная борьба? Во-первых, борьба с телесным; во-вторых, борьба с грехами; в-третьих, борьба против искушений сатаны"³²⁵.

Следовательно, создавая историю слова, чрезвычайно важно знать как оно воспринималось и понималось в различные эпохи. И в этом смысле объяснение современника

---

325. Григорь Татеваци. Толкование Псалмов, с. 21 б.

имеет исключительное значение. С другой стороны, часть словотолкований Татеваци имеет двоякую ценность, так как иногда он сам дает историческое объяснение. Так например, при толковании слова **mesedi** (согласно Новому толковому словарю армянского языка слово это греческого происхождения и означает "посредник"), он пишет: "Надобно знать, что древняя церковь [предписывала] каждый день утром и вечером класть на стол хлеб, агнца и четверть меры вина. А новая церковь, которая телесное променяла на духовное, вместо хлеба и агнца — два стиха **mesedi** (некоторые псалмы в церковнослужении"³²⁶).

Следует отметить также, что сравнивая словотолкования Татеваци с соответствующими объяснениями ряда толковых словарей ("Новый толковый словарь армянского языка", "Карманный словарь", "Корневой словарь армянского языка" Р. Ачаряна, "Армяно-русский словарь" А. Худабашяна и другие), становится очевидным, что они в основном не только научны, но зачастую и самобытны, что, в свою очередь, свидетельствует о глубоких языковых познаниях нашего автора. Приведем несколько таких объяснений:

dēt — то есть наблюдатель. И имеет наблюдатель десять особенностей. Первая — наблюдатель располагается на возвышенности; вторая — бывает один; третья — имеет при себе сигнальные знаки; четвертая — все смотрят на него; пятая — всегда бодрствует; шестая — всегда на ногах; седьмая — беспрестанно смотрит; восьмая — наблюдает за всеми дорогами; девятая — при виде противника оповещает знаками; десятая — после оповещения сам уходит (Книга проповедей. Зимний том, с. 182);

naxatonak — предпразднество — как при прибытии царя сначала в город входят вестники и гонцы, а горожане украшают себя и улицы и ждут наготове, точно так же духовно радуемся мало и подготавливаем себя (Книга проповедей. Летний том, с. 655);

parel (танцевать) — показывать душевную радость телесными движениями (Толкование Псалмов, с. 6 а)

---

326. Там же, с. 12 б.

Татеваци не только стремились объяснить непонятные слова, но и считал необходимым объяснить иносказательное употребление слов, пытался показать основу подобного употребления и стремился аргументировать все это апеллируя к аналогичным примерам.

Вместе с тем считаем нужным еще раз подчеркнуть, что действительная значимость и ценность словотолкований Татеваци заключается в их доступности и научности. В этом причина того, что объяснения Татеваци в основном совпадают с словотолкованиями "Нового толкового словаря армянского языка", который наилучшим образом представляет словарный фонд древнеармянского языка. Для иллюстрации приведем несколько словотолкований Татеваци, которые в качестве правильных объяснений представлены и в "Новом толковом словаре армянского языка":

aznuakan — то есть благопристойный и благородный (Толкование от Матфея, с. 294 а) (Новый толковый словарь армянского языка — "благородный и бесподобный, знатный, превосходный, благопристойный...");

ayoy — то есть поистине (Толкование от Матфея, с. 172 б) ("Новый толковый словарь армянского языка" — "неоспоримо, поистине");

aiōtk^{cc} — слово, обращенное к Богу (Толкование Псалмов, с. 28 б) ("Новый толковый словарь армянского языка" — "мольба обращенная к Богу");

animastutciwn — несмышленностью называется недостаток мудрости (Книга проповедей. Зимний том, с. 187). ("Новый толковый словарь армянского языка" — "недостаток мудрости и есть несмышленность");

bac^cerew — известный (Анализ искусства письма, рук. N 1115, с. 197 а). ("Новый толковый словарь армянского языка" — "открытый и видимый; очевидный; известный");

eġjiwrn — оружие и сила лани, его украшение (Толкование Псалмов, с. 30 б). ("Новый толковый словарь армянского языка" — "оружие и украшение на головах некоторых четвероногих, особенно у лани или оленя");

t^cmril — онеметь (Книга вопрошений, с. 127) ("Новый толковый словарь армянского языка" — "онеметь, сделаться нечувствительным").

Своеобразным вспомогательным средством объяснения слов можно считать оригинальные словоупотребления со стороны Татеваци. Так, например, целый ряд слов он употребляет в новом значении. К числу таких слов относятся: **ktakagir**, которое он употребляет не в значении завещания, составителя завещания, а в значении — написанное по форме завещания; **sermnanan** — не земледелец, сеятель, а продуктивный (продуктивная мысль); **aruestaworapes** — не красноречиво, а по его же объяснению — "благопристойной мудростью".

Словосочетание "**vay ew eřuk** "Новый толковый словарь армянского языка" объясняет следующим образом: "заслуживающий плача, жалостный". Татеваци употребляет его в смысле осуждать, так как "Осуждает города" у Иоанна Златоуста он заменяет предложением **vay ew eřuk karday**³²⁷.

Словоупотребления Татеваци помогают также пониманию первоначальной дифференцированности слов, их значения и даже обоснованию того или иного предположения. Так например, Р. Ачарян при рассмотрении новых слов "Книги Бесед" Кирилла Александрийского с целью уточнения часто обращается к Татеваци, обнаружив, что в тексте оригинала содержатся неправильные словоупотребления ("**ōžand** " вместо "**ōžandak** ", "**třpcoř**" вместо "**třpcořac** " и другие)³²⁸. Говоря о слове **blat^ckin** (дубинка, палка), Р. Ачарян сравнивает его с персидским словом **balāt'ig'in** и находит, что "согласно этому наилучшей формой письма является форма **balat'ikin** Татеваци"³²⁹.

В работе "Толкование от Матфея" Татеваци предложение Иоанна Златоуста "**Ew ibrew zkoyadndiřsn or ařbov pararin**"³³⁰ заменяет предложением "**kuapntern or garř ařbov parari**"³³¹, в кото-

327. Ср.: Григор Татеваци. Толкование от Матфея, с. 168 а. Иоанн Златоуст. Евангелие от Матфея. Венеция. 1826, с. 565. На арм. яз.

328. Ачарян Р. Новые армянские слова в древней литературе. Т. 2, с. 81.

329. Там же, с. 139.

330. Иоанн Златоуст. Евангелие от Матфея, с. 597.

331. Григор Татеваци. Толкование от Матфея, с. 178 б.

ром нас интересует форма **kuap^cnter**. "Новый толковый словарь армянского языка" слово **koyadndiř** объясняет как "жук, копающийся в мусоре", ссылаясь лишь на употребление Златоуста. Р. Ачарян отмечает ошибочность формы **dndiř**, не упоминая при этом Татеваци. Между тем, как можно убедиться, Татеваци сведущ в правильном употреблении данного слова.

Первоначально различались слова **hayel** и **nayel**, что подтверждает и Татеваци. Различение этих слов со стороны Татеваци подметил также Э. Агаян, который по этому поводу пишет: "Смысловое различие между словами **hayel** и **nayel** признавал также Татеваци, который на 407-й странице "Книги вопрошений" объясняет: **hayel** — "смотреть снизу вверх", **nayel** — "смотреть сверху вниз"³³².

В своей работе "Армения в эпоху Юстиниана" Н. Адонц, исследуя супружеские отношения в Армении, пишет: "Возможно, что слово во **ōřit** в армянском языке также употреблялось в смысле подарка, который жених преподносит невесте"³³³. Оставляя в стороне вопрос, что маститый арменовед это слово относит "к числу не арийских элементов армянского языка"³³⁴, его мнение подтверждается также данными Татеваци, который различает слова **bařink** и **ōřit**; первый преподносился со стороны отца невесты, второй — жениха³³⁵.

Отметим также, что по мнению Р. Ачаряна в древней литературе слово **gēt^c** (в значении вред, преступление) впервые употребил Аракел Сюнеци в произведении "Книга Адама". Образованное из него слово **git^cwor** "один раз употребляется в одной работе последующего периода"³³⁶. Между тем оба слова мы находим у Татеваци: "Что означает моя вина? (**gēt^c**)"³³⁷; "Виновен (**git^cwor**) и грешен перед Богом"³³⁸.

332. Агаян Э. Лексикологические и этимологические исследования. Ереван, 1974, с. 93. На арм. яз.

333. Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1987. Сноска на странице 217.

334. Там же, с. 216.

335. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 203.

336. Ачарян Р. Новые армянские слова..., с. 147.

337. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 449.

338. Там же, с. 628.

В словоупотреблениях Татеваци число иноязычных форм весьма незначительно. К таковым относятся: греческие наименования ветров — **kikias, ampēloid, argēstēs, lip^cs, t^craskias**; названия выходящих из печени сосудов — **k^calasikē, asayikē, kat^calikē**; геометрические термины — **kibikon, zik**; слова **fanar, iboros** (название животного), **knīst^ξ, cful** (кстати, по мнению Р. Ачаряна последние три слова употребляются только у Татеваци).

Редки также употребления диалектных слов, как например, **hamal, xasiat^c, xapar, cuxay, mt^cxal** (вид монеты), **čānkal, poši - mani, kondt, xarpizak, satrinč** (последнее слово Татеваци употребляет не в смысле шахматной игры, а триктрака, то есть игры в кости, на расчерченной доске³³⁹).

Влиянием разговорного языка надо объяснить употребление таких словоформ, в которых наличествует метатеза, незакономерное чередование звуков, сокращение и добавление звука, как-то: **glglek** (вместо **grgleak**), **ka^ξreštⁿ** (**karažani**), **šalaker** (**šalaker**), **c^cp^csi** (**c^cspis**), **p^cask^cusk^c** (**k^casp^cusk^c**), **srpik** (**srbik**).

3.2. Вопросы этимологии

В определенной мере мы коснулись также народной этимологии, принимая во внимание то обстоятельство, что невзирая на очевидные крайности и ошибки, они, тем не менее, соприкасались с грамматическими знаниями. Кроме того, в них отражено также мышление эпохи относительно жизни, быта, истории, верований и т. д. В этом смысле значительная их часть представляет несомненный интерес. "Этимология,— пишет Г. Джаукян, — которая у Фракийского считается одним из разделов грамматики, у армян является самой ранней из возникших языковых дисциплин. Ее первоначальной формой является народная этимология, которая используется народом для осмысления неизвестных ему слов"³⁴⁰.

339. Там же, с. 634.

340. Джаукян Г. Указ. соч., с. 133.

Татеваци зачастую сочетает этимологию и толкование, принципы народной и научной этимологии:

aikac — они являются несчастными, которых в просторечии называют нищими, то есть обделенными имуществом и достоянием, так как **aix** — имущество и достаток человека. А нищий, то есть лишенный милосердия и блага, так как они были противны людям (Книга проповедей. Летний том, с. 360);

nawasard — означает новый (**naw**), то есть начало года и сверх того сейчас обозначает и время мореплавания (**nawel**). (Книга вопрошений, с. 200).

Как уже было сказано, этимологизированные Татеваци слова можно разделить на несколько смысловых групп.

Названия месяцев он этимологизирует в основном апеллируя к Вардапету Ванакану³⁴¹.

Число этимологизированных Татеваци собственных имен превышает семь десятков. Они в основном представляют собой встречающиеся в Библии имена, однако он не всегда следует этимологии Священного Писания. Примечательно, что правильно этимологизируются те имена, которые воспринимаются как заимствованные:

Emmanuēl — заимствование из еврейского; у нас переводится как Бог (Книга проповедей. Зимний том, с. 72);

Dawitc — переводится как щедрая рука или любивший (Книга проповедей. Летний том, с. 517);

Tcovmas — означает близнецы (Толкование от Матфея, с. 148 б);

Mariam — переводится как сияние (Книга проповедей. Зимний том, с. 8);

Mikcaēl — переводится как Бог (Книга вопрошений, с. 144);

Yakobos — обманувший сатану (Толкование от Матфея, с. 148 б);

Petros — переводится как скала (там же)³⁴².

---

341. См.: О календе вардапета Ванакана. / Подг. и изд. Л. Хачикян. // Сборник научных трудов Матенадарана. Т. 1. Ереван, 1941. На арм. яз.

342. Все эти этимологии в основном совпадают с объяснениями Р. Ачаряна (см.: Ачарян Р. Словарь армянских собственных имен. ТТ. 1—5. Ереван, 1942—62. На арм. яз.

Татеваци сознает также сложное строение заимствованного слова. Так, все те слова, которые имеют составляющую "ēl" (еврейское ēl — Бог) — **Anayēl, Gabriēl, Dakuēl, Uriēl, Sadayēl** — Татеваци в обязательном порядке этимологизирует в связи со словом ēl (Бог).

Армянское собственное имя **Andranik** он этимологизирует следующим образом: "Имя Андраник имеет двойное значение: во-первых, среди множества братьев, во-вторых, глава, первый"³⁴³.

Другая большая группа этимологизируемых слов касается религии, церковно-религиозных ритуалов. Из них правильно этимологизируются в основном также заимствованные слова:

Sion — является одноименным и употребляется в трех значениях: старом, новом и вышнем. Так как Сион в старом значении означает, во-первых, **построенная Давидом крепость** и, во-вторых, **народ израэльский**. А в новом значении Сионом называется, во-первых, построивший крепость и, во-вторых, верующие... А в вышнем... называется новая церковь и вышний Сион (Толкование Псалмов, с. 20 б). (Ср.: Армянская советская энциклопедия. Т. 10. Ереван, 1964, с. 396, На арм. яз.);

եփեցի — является одноименным и имеет три значения, потому что означает строение из камней и других материалов в качестве **места для собраний**. Называют и **верующих**, собравшихся в нем... называется и **собрание**, сонм святых (Книга проповедей. Летний том, с. 396, 705; Книга вопрошений, с. 532, 613) (Ср.: **Ачарян Р.** Корневой словарь армянского языка — **сборище народа**, воинов; в дальнейшем — **место для собраний верующих**; в дальнейшем — церковь);

կաթօղիկօ — означает **əndhanrakan (всеобщий)** (Книга вопрошений, стр. 532) (Ср.: Корневой словарь армянского языка — **всеобщий**, вселенский);

episkopos — равным образом называется католикос и блюститель, **надзиратель** (Книга проповедей. Летний том, с. 52) (Ср.: Корневой словарь армянского языка — хранитель, надзиратель, смотритель);

---

343. Григор Татеваци. Книга вопрошений, с. 472.

kiwrakē — что означает **terunakan** — **господний** (Книга вопрошений, с. 196, 643; Толкование от Матфея. С. 330) (Ср.: Корневой словарь армянского языка — действительное значение — **господний**);

abeġay — означает отец (Книга проповедей. Летний том, с. 52) (Ср.: Новый толковый словарь армянского языка — будучи отцом в соответствии с монашеским чином).

Татеваци подвергает народной этимологии **k^cahanay** — священник, **k^cristoneay** — христианин, **tēr** — господь, **vardapet** — вардапет (ученый монах), **xoran** изображение свода с колоннами книжных страниц Евангелия, **gobġay** — совокупность нескольких псалмов и многих других слов. В их числе также названия животных, некоторые географические названия.

При этимологизации названий рек Татеваци приводит также другие известные их наименования:

Tigris — **Dklat^c** или **K^cobar** (Толкование от Матфея. С. 11 а);

Gehon — **Ĵehon** или **Nilos** (там же, с. 9 б).

Название реки **Yordanan** он этимологизирует как сложное слово, образованное из названий его притоков:

Yordanan - сложное имя, так как из нижней части Ливанской горы истекают два ключа; один называется **Ar**, другой — **Dan**, от смешения которых и получилось **Yordanan** (Книга проповедей. Зимний том, с. 60).

В отличие от Григора Магистроса, Татеваци чрезмерно мало обращается к персидским заимствованиям. К этим немногочисленным словам относятся слова **navasard**, **nawakatik^c**, **gerezman**. В первых двух словах он правильно этимологизирует компонент "**naw**" (который означает "новый"): "**navasard** означает новый", "**nawakatis** — возрождение, восстановление"³⁴⁴. Он отмечает, что слово **gerezman** является заимствованием из персидского, однако подвергает народной этимологии на основании данных персидского языка: **gerezman** — персидское слово и означает под землей (Книга вопрошений, с. 678).

В этимологизациях Татеваци необходимо отметить наличие

---

344. **Григор Татеваци**. Книга вопрошений, с. 200, 509; Книга проповедей. Летний том, с. 477.

большой информации. Очень часто он превращает этимологию в средство для сообщения всевозможных сведений по истории, культуре прошлого, современных ему нравов, обычаев. Не оставляет без внимания и другие народы. Благодаря этому его этимологии, кроме того что являются одним из ранних попыток этимологизации, приобретают также историческую и когнитивную ценность. Приводим этимологию собственного имени **Grigor**, названий рек **Neios** и **Tigris**, слов "**gog ew magog**" **kin, vardavaġ**.

"Когда его (Григора Лусаворича, Просветителя — С. Г.) наставник повел в Кесарию, то по приближении к городу сел под каким-то деревом, чтобы отдохнуть. В это время прилетела какая-то птица и уселась на дереве, которую некоторые называют **gurgur**, а некоторые — **dġun** и прокричала **gurgur**... И подумал наставник, что это дух святой, принявший облик птицы, которая имеет сходство с голубем и нарек отрока Григором, так как был обласкан (**grkeal**) духом святым"³⁴⁵. Как видим, основываясь на "Истории" Агатангелоса, Татеваци дополняет этимологию текстом предания.

Представляют интерес также его описания ритуалов, связанных с культом реки Нил и реки Тигр: "Так как по прибытии к этой реке (Нилу), люди со всех концов земли благовещают друг друга и, украшенные и зажженные свечками, с курящими ладанами и с песнями подходили к реке и забрав воды уносили каждый в свою страну и радовались"³⁴⁶. А вот и описание реки Тигр. Этимологизируя его как "обилие" или "широкое" он продолжает: "Сколько он не течет по Сирии, не приносит никакой пользы, а только вред и разрушения. Когда же выходит из ее [пределов] и вступает в Босфор и Вавилон, то разделившись на множество потоков, речек орошает деревья и [способствует] плодоношению... Так как река эта берет начало в Армении и направляется в далекие страны"³⁴⁷.

---

345. **Григор Татеваци**. Книга проповедей. Летний том, с. 421.

346. **Григор Татеваци**. Толкование от Матфея, с. 10 а.

347. Там же, с. 11 а.

Историческое сведение содержит и этимологизация Татеваци названия "**gog** и **magog**". Речь в данном случае идет о названии, данном скифам другими народами; их называли скифами, сарматами, аланами, а согласно Татеваци также **niki**. По-видимому, их так называли греки, потому что Татеваци приводит также их армянский эквивалент - "յաւտօճիկ" (победители); "**gog** и **magog**" называют северный народ скифов, название которого — **niki**, то есть — победители. А некоторые называют их **gog** и **magog**, что в переводе с древнееврейского означает собрание язычников"³⁴⁸.

В этимологии слова **kin** содержится не только общепринятая богословская точка зрения, но и оценка, данная роли женщины в средневековой армянской действительности:

kin — как половина человека (**kēs**к^с), как ребро одно (**ko**ի), как происшедший или рожденный от ребра..., как обиталище (**kayank**к^с) человека..., как носитель (**krō**ի) мощи и достатка мужчины..., как сотоварищ (**k^сord**) и помощник мужчины..., как жизнь (**keank**к^с) (Книга вопрошений, с. 276).

В этимологизации слова **vardavar** примечательна попытка Татеваци дать историческое объяснение и его убеждение в том, что с принятием христианства часть языческих праздников была переосмыслена и приобрела аллегорическое значение. "Что обозначает название праздника **vardavar**?... Так как язычники праздновали его в честь изваяния Афродиты и преподносили ей розы, и в честь нее праздновали с цветами. Господь наш уничтожил их суетную надежду и обратил ее к себе"³⁴⁹.

Он этимологизирует также ряд философских и логических терминов, при объяснении которых проявляется его отношение к тому или иному учению:

ճեմականկ^с — называются перипатетики (аристотелики). Во-первых, потому что Аристотель обучал стоя, в то время как Платон — сидя; во-вторых, так как путешествовали по всему

---

348. Григор Татеваци. Книга, называемая Златым Чревом, с. 332.

349. Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том, с. 498.

миру в поисках истинного учения (Краткий анализ Введения Порфирия, с. 334);

stoyikeank^c — называются прогуливающие по портику, так как Стоя — портик, или же потому, что они прохаживались по портику и не входили в дома мудрости; помимо того являются отделимыми от тела, которое является портиком души. Они все существующее считают телесным (там же, с. 335).

Таким образом, Татеваци этимологизирует множество слов, сочетая народные и научные принципы этимологии. Среди них правильными является около пятая часть этимологизированных слов. Но если учесть, что этимология, как наука, сказала свое слово лишь в XIX веке, то этот показатель для средневекового грамматика отнюдь не является маленьким.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Несмотря на то, что Григор Татеваци не имеет отдельной грамматической работы, однако в его литературном наследии содержится большое число грамматических вопросов, которые вместе с вопросами, нашедшими место в толкованиях трудов Аристакеса и Георга Скевраци, позволяют говорить об определенном образом систематизированных грамматических взглядах Татеваци.

В этом труде впервые систематизированы и всесторонне представлены грамматические взгляды Татеваци, всесторонне выявлено не только его связь с предшествующими армянскими грамматиками, но в определенной мере и его влияние на последующих ученых.

2. Теоретические взгляды Григора Татеваци знаменуют собой новую ступень в развитии средневековой армянской грамматической мысли. В частности, достойны внимания его общетеоретические разработки языковых проблем: анализ языка как средства коммуникации; рассмотрение связи: действительность — мысль — язык; язык как средство выражения мысли; рассмотрение языка как одного из различительных признаков народа.

3. В своих замечаниях по фонетике Татеваци не ограничивается рассмотрением ставших традиционными вопросов (соотношение: буква — письмо; согласное — гласное, некоторые вопросы чередования звуков, правописания и другие), но и стремится говорить о внешнем оформлении буквенных знаков, о роли воздуха в артикуляции звуков, кинесических знаках.

4. При рассмотрении многих морфологических и синтаксических вопросов Татеваци, синтезируя мнения предшествующих грамматиков, тем не менее, часто отказывается следовать общепринятой точке зрения, проявляет своеобразный подход к исследуемому вопросу, если даже это не вписывается в

существующие языковые реалии, как например, отрицательное отношение к частице "кү", рассмотрение сказуемого в качестве главного члена предложения.

5. Вследствие немногочисленности сведений по стилистике в трудах средневековых армянских грамматиков стилистические замечания Татеваци представляют весьма большую ценность. Среди них имеются множество оригинальных анализов, выводов, в частности, относительно особенностей устного слова, характеристики метафоры.

6. В литературном наследии Татеваци содержится большое число словотолкований. В ходе исследования, мы рассматривали их иногда как объяснение современника (в этом случае они классифицируются по семантическим, структурным и стилистическим принципам), а иногда в аспекте исторических изменений (часть их не употребляется в современном армянском языке, другая часть входит в разряд общеупотребительных слов, а третья — употребляется в расширенном или узком значении, или же в новом значении).

В процессе словотолкования Татеваци использует ряд способов, употребляя термины одноименное, многоименное, соименное, разноименное и другие. При словотолковании он употребляет созданные им (посредством словосложения и аффиксации) новые слова.

Часть словоупотреблений Татеваци помогает понять также первоначальную дифференцированность слов, а в некоторой степени обосновать то или иное предположение.

7. Татеваци этимологизировал также многочисленные слова на основе принципов как научной, так и народной этимологии. Среди них выделяется ряд смысловых групп (собственных имен, названий месяцев, географических названий, религиозных ритуалов и т. д.). В его этимологизированных словах следует подчеркнуть наличие большой информации, потому что при этимологизации он часто сообщает многочисленные сведения, связанные с данным явлением, предметом. Благодаря этому его этимологизации приобретают также историческую и познавательную ценность.

Григор Татеваци был известен арменистике как философ, педагог, экономист и теоретик "искусства письма". Детальный анализ его языковедческих взглядов дает все основания для безоговорочного причисления его и к ряду средневековых грамматиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

На армянском языке:

Абемян М. Х. История древнеармянской литературы. - Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1946. Т. 2. 600 с.

Абемян М. Х. Труды. - Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1970. Т. 4. 635 с.

Абрамян А. А. Пособие по грабару. - Ер.: Изд-во Луйс, 1976. 557 с.

Абрамян А. Г. Гладзорский университет. - Ер.: Изд-во Айастан, 1963. 85 с.

Абрамян А. Г. Армянское письмо и письменность. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та, 1973. 371 с.

Авгерян М. Карманный словарь армянского языка. Венеция. 1865. 849 с.

Аветикян Г., Сюрмелян Х., Авгерян М. Новый словарь древнеармянского языка. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. Т. 1. 1979. 1140 с. Т. 2. 1981. 1067 с.

Аветисян К. Словарь географических названий. - Ер.: Изд-во Луйс, 1969. 360 с.

Агаян Э. Б. История армянского языкознания. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. Т. 1. 1958. 412 с. Т. 2. 1962. 385 с.

Агаян Э. Б. Лексикологические и этимологические исследования. - Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1974. 167 с.

Агаян Э. Б. Толковый словарь современного армянского языка. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. Т. 1. 1976. 929 с. Т. 2. 1976. 686 с.

Агаян Э. Б. Очерки по истории армянских календарей. - Ер.: Изд-во АН. АрмССР, 1986. 299 с.

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. - Ер.: Изд-во Айастан, 1987. 638 с.

Алишан Г. Сисакан. Венеция, 1893. 562 с.

Алпояджян А. История армянской школы. Каир, 1946. Т. I. 626 с.

Акинян Н. История ахтамарских католикосов. Вена, 1920. 200 с.

Ачарян Р. Корневой словарь армянского языка. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. Т. 1. 1971. 698 с. Т. 2. 1973. 687 с. Т. 3. 1977. 635 с. Т. 4. 1979. 675 с.

Ачарян Р. Словарь армянских личных имен. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. Т. 1. 1942. 631 с. Т. 2. 1944. 662 с. Т. 3. 1946. 740 с. Т. 4. 1948. 683 с. Т. 5. 1962. 382 с.

Ачарян Р. Провинциальный словарь. Тифлис, 1913. 1141 с.

Ачарян Р. История армянского языка. - Ер.: Изд-во Айпетрат. Т. 1. 1940. 355 с. Т. 2. 1951. 608 с.

Ачарян Р. Новые армянские слова в древней литературе. Венеция. Т. 1. 1913. 212 с. Т. 2. 1922. 297 с.

Амалян Г. М. Лексикографические памятники средневековой Армении (V—XV вв.). - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1966. 238 с.

Амалян Г. М. Лексикографические памятники средневековой Армении (XVI—XVII вв.). - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1971. 312 с.

Акоп Крымеци. Календароведческие труды // Подг. текста, введ. и комм. Дж. Эйнатян. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1987. 392 с.

Акопян Г., Мелик-Бахшмян С, Барсегян О. Словарь топонимов Армении и прилегающих областей. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. 1986. Т. 1. 991 с.

Акопян В. А. Армянская книга канонов. - Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1964. Т. I. 740 с.

Айтынян А. Критическая грамматика ашхарабара или современного армянского языка. Вена. 1866. 502 с.

Арабо-персидско-армянский словарь. // Матенадаран им. Маштоца, рукопись N 7151. 149 с.

Аракелян В. Д. Классический и постклассический грабар // Историко-филологический журнал. АН АрмССР. 1976. N I. 255—272 с.

Аракелян В. Д. Лексикографические заметки // Историко-филологический журнал. 1979. N 4. 35—45 с.

Аракелян В. Д. Язык и стиль Григора Нарекаци. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1975. 273 с.

Аракелян В. Д. Язык и стиль армянской переводной литературы пятого века. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1964. 229 с.

Аревшатян С. С. Философская школа Татева и мировоззрение Григора Татеваци // Вестник Матенадарана. 1958. N 4. 121—137 с.

Аревшатян С. С. Возникновение и развитие номинализма в средневековой Армении // Вестник Матенадарана. 1962. Т. 6. 75—96 с.

Армянская Советская Энциклопедия. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. Т. 3. 1977. 221—223 с. Т. 10. 1984 396 с.

Армянская миниатюра // Вступ. статья и объясн. Л. А. Дурново. - Ер.: Изд-во Айастан. 1967. 234 с.

Багдасарян Э. М. Ованес Ерзынкаци и его назидательная проза. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1977. 243 с.

Бедирян П. С. Несколько этимологии // Историко-филологический журнал. 1962. N I. 139—147 с.

Бедирян П. С. Этимологии // Историко-филологический журнал. 1966. N 2. 217—225 с.

Бедирян П. С. Фразеология современного армянского языка. - Ер.: Изд-во Луйс. 1973. 230 с.

Библия. СПб., 1817. 1126 с.

Вардан Аревелци. Толкование грамматики (подг. и изд. Л. Хачерян). - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1972. 177 с.

Видные деятели армянской культуры (V—XVIII вв.). - Ер.: Изд-во Ер. ун-та, 1976. 592 с.

Ганалаян А. Т. Армянские пословицы. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1960. 398 с.

Григорян Г. М. Сюник при Орбелянах (XIII—XV вв.). - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1981. 318 с.

Григорян Г. О. Философия Ваграма Рабуни. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1969. 227с.

Григорян Г. О. Философское учение Иоанна Воротнеци. АН АрмССР. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1980. 242 с.

Григор Татеваци. Толкование "Книги бесед" Кирилла. Константинополь. 1717. 799 с.

Григор Татеваци. Книга вопрошений. Константинополь. 1729. 808 с.

Григор Татеваци. Книга проповедей. Зимний том. Константинополь. 1740. 748 с.

Григор Татеваци. Книга проповедей. Летний том. Константинополь. 1741. 740 с.

Григор Татеваци. Книга о посвящении учеников в сан. Константинополь. 1752. 272 с.

Григор Татеваци. Книга, называемая Златым Чревом. Константинополь. 1746. 592 с.

Григор Татеваци. Краткий анализ "Введения" Порфирия. // "Введение" Порфирия. Мадрас. 1793. 325—411 с.

Григор Татеваци. Краткий анализ труднопонимаемых слов в книге письма Аристакееса ритора. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115. 225 с.

Григор Татеваци. Краткий анализ наставления, о письме Георга вардапета. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115. 225 с.

Григор Татеваци. Об искусстве письма. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115. 225 с.

Григор Татеваци. Толкование Иоанна. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1115. 225 с.

Григор Татеваци. Толкование от Матфея. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 1264. 440 с.

Григор Татеваци. Толкование от Иоанна. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 3584. 247 с.

Григор Татеваци. Толкование от Есайи. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 5169. 420 с.

Григор Татеваци. Толкование "Песни песен". Матенадаран им. Маштоца, рук. N 5869. 427 с.

Григор Татеваци. Толкование Псалмов. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 5869. 427 с.

Григор Татеваци. Толкование Притчей, Матенадаран им. Маштоца, рук. N 5869. 427 с.

Григор Татеваци. Толкование "Отче наш". Матенадаран им. Маштоца, рук. N 9348. 34 с.

Григор Татеваци. Об Ахтамарском престоле. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 9622. 424 с.

Давид Анахт. Анализ "Введения" Порфирия (пер. с древнеарм., предисл. и примеч. С. С. Аревшатяна). - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1976. 276 с.

Давид Зейтунци. Толкование грамматики // подг. и изд. Е. Мелконян. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1981. 187 с.

Джаукян Г. Б. Грамматические и орфографические труды в древней и средневековой Армении. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. 1954. 396 с.

Джаукян Г. Б. История языкознания. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. Т. 1. 1960. 653 с. Т. 2. 1962. 602 с.

Джаукян Г. Б. Развитие и структура армянского языка. - Ер.: Изд-во Митк. 1969. 290 с.

Джаукян Г. Б. История древнеармянской грамматики (XVII—XIX вв.). - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. 1974. 558 с.

Джаукян Г. Б. Основы теории современного армянского языка. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1974. 586 с.

Джаукян Г. Б. История армянского языка. Дописьменный период. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1987. 747 с.

Есаи Нчеци. Анализ грамматики // подг. и изд. Л. Хачерян. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1966. 206 с.

Зарбаналян Г. История армянской литературы. Венеция. 1878. Т. 2. 510 с.

Зарбаналян Г. История древней армянской литературы. Венеция. 1897. 822 с.

Ишханян Р. А. История армянской библиографии (V—XVIII вв.). - Ер.: Изд-во Респ. библ. им. Мясникяна. 1964. 157 с.

История армянского народа. Институт истории АН АрмССР. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1976. Т. 3. 1023 с.

Иоаннес Крнеци. О грамматике // подг. и изд. Л. Хачикян и С. Авакян. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1977. 225 с.

- Иоанн Златоуст.** Евангелие от Матфея. Венеция. 1826. 400 с.
- Иоанн Воротнеци.** Анализ "Категорий" Аристотеля // предисл. и примеч. В. К. Чалояна. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1956. 348 с.
- Карнеци Г.** Толкование "Песни песен" Соломона. Калькутта. 1820. 377 с.
- Кюлесерьян Б.** Ислам в армянской литературе. Вена. 1930. 240 с.
- Казарян С.** Краткая история армянского языка. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. 1981. 402 с.
- Казарян Р. С.** Армяно-латинско-русско-англо-французско-немецкий словарь названий растений. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. 1981. 180 с.
- Мадоян А. Г.** Аракел Сюнеци. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. 1987. 185 с.
- Малхасянц Ст.** Толковый словарь армянского языка. - Ер.: Изд-во Айпетрат. Т. 1. 1944. 608 с. Т. 2. 1944. 512 с. Т. 3. 614 с. Т. 4. 1945. 646 с.
- Манандян А.** Весы и меры в древнейших армянских источниках. - Ер.: Изд-во Мелконян фонд. 1930. 141 с.
- Марр Н.** Сборник притчей Вардана. СПб., 1894. Ч. 2. 344 с.
- Марр Н.** Летняя экспедиция в Армению. Вена 1892. 90 с.
- Матгеос Джугаеци.** Житие Григора Татеваци. Матенадаран им. Маштоца, рук. N 6607. 457 с.
- Мегреци Е.** Словарь армянского языка // подг. и изд. Г. Амалян. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1975. 445 с.
- Мелконян С.** Очерки по стилистике армянского языка. - Ер.: Изд-во Луйс; 1984. 247 с.
- Мейе А.** Арменоведческие исследования. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. 1978. 821 с.
- Мовсисян А.** Очерки истории армянской школы и педагогики. - Ер.: Изд-во Айпетусумнаканрат. 1958. 527 с.
- Мурвалян А.** Фразеология и образование глаголов армянского языка. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1959. 251 с.
- Мурвалян А.** Словарный состав армянского языка. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1955. 435 с.

Нерсес Шнорали. Всеобщее послание. Иерусалим. 1871. 1871 с.

Нерсес Шнорали, Ованес Ерзынкаци. Толкование святого евангелия от Матфея. Константинополь. 1825. 658 с.

Овсепян Г. Хахбаняны или Прошяны в истории Армении. Вагаршапат. 1928. Ч. I. 304 с.

Овсепян Г. Жизнь Товмы Мецопеци. Вагаршапат. 1914. 32 с.

Орбелян Ст. История Сюника. - Ер.: Изд-во Советакан грох, 1986. 614 с.

Орманян М. Азгапатум. Константинополь. 1914. Ч. 2. 1914 с.

Орманян М. Армянская церковь. Константинополь. 1912. 216 с.

О календе Ванакана Вардапета // подг. и изд. Л. Хачикян. // Сборник научных трудов Матенадарана. 1941. Т. 1. 151—169 с.

Памятные записи армянских рукописей XIV века // сост. Л. Хачикян. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1950. 756 с.

Памятные записи армянских рукописей XV века // сост. Л. Хачикян. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1955. Ч. I. 816 с.

Памятная запись Товмы Мецопеци // подг. и изд. К. Костанянц. Тифлис. 1892. 88 с.

Петросян Г., Галстян С, Карагюлян Т. Лингвистический словарь. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1975. 316 с.

Погосян П. Возникновение и развитие стилистических пониманий в древней Греции и Риме (лекции). - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. 1975. 170 с.

Пештмалчян Гр. Словарь армянского языка. Константинополь. Т. I. 1844. 764 с. Т. 2. 1846. 952 с.

Сукиасян А. М. Словарь синонимов армянского языка. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1967. 682 с.

Сукиасян А. М. Синонимы в современном армянском языке. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. 1971. 293 с.

Толковый словарь современного армянского языка. Институт языка АН АрмССР. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. Т. I. 1969. 601 с. Т. 2. 1972. 714 с. Т. 3. 1974. 574 с. Т. 4. 1980. 828 с.

Товма Мецопеци. История Тимурленга и его преемников. Париж. 1860. 133 с.

Товмасян Н. Социально-экономические взгляды Григора Татеваци. - Ер.: Изд-во Митк. 1966. 153 с.

Хачерян Л. Языково-грамматическая теория "искусства письма" в средневековой Армении. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1962. 405 с.

Хачикян Л. С. Гладзорский университет и выпускные речи его учеников // Сборник научных трудов Ереванского государственного университета. 1947. Т. 23. 423—450 с.

Хачикян Л. С. Армянская естественнонаучная мысль в XIV—XVIII веках // Историко-филологический журнал. 1971, N 2. 23—44 с.

Худабашян А. Армяно-русский словарь. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. Т. 1. 1986. 613 с. Т. 2. 1987. 530 с.

Чалоян В. К. История армянской философии. - Ер.: Изд-во АН Арм ССР, 1975. 525 с.

Чамчян М. История Армении. - Ер.: Изд-во Ер. ун-та. 1984. Т. 3. 986 с.

На русском языке:

Абегян М. История древнеармянской литературы. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1975. 606 с.

Адамян А. А. Эстетические воззрения средневековой Армении. Период раннего феодализма. - Ер.: Изд-во Армгиз. 1955. 223 с.

Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Петроград, 1915. 308 с.

Амбарцумян В. Язык и стиль "Истории Тарона" Ованеса Мамиконяна. Автореф. канд. дисс. Ереван. 1978. 23 с.

Аревшатян С. С. Философские взгляды Григора Татеваци. - Ер.: Изд-во АН АрмССР. 1957. 181 с.

Аревшатян С., Лалафарян С. Сочинение Иоанна Воротнеци "Об элементах" // Вестник Матенадарана. 1956. N 3. 343—386 с.

Источники по истории высших школ средневековой Армении (XII—XV вв.) (Пер. с древнеарм., предисл. и примеч. К. С. Тер-Давтян). - Ер.: Изд-во Айастан. 1983. III с.

Джаукян Г. Б. Языкознание в Армении в V—XVIII вв. // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л.: Изд-во Наука. 1981. 301 с.

Мастера искусства об искусстве // под ред. А. Губера. М.: Изд-во "Искусство", 1969. Т. 6. 541 с.

Мирзоян А. С. О группе иллюстрированных рукописей (XIV—XV вв.) Татевского монастыря. Автореф. канд. дисс. Ереван. 1972. 23 с.

Оганесян Л. История медицины в Армении. - Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1946. Ч. 2. 266 с.

Товма Мецопеци. История Тимурленга и его преемников. // Пер. с древнеарм., предисл. и комм. К. С. Тер-Давтян. - Ер.: Изд-во "Наири". 2005. 156 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

**ГЛАВА ПЕРВАЯ
ГРИГОР ТАТЕВАЦИ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ**

1.1. Григор Татеваци и его время 8
1.2. Литературное наследие Григора Татеваци 18

**ГЛАВА ВТОРАЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В ТРУДАХ
ГРИГОРА ТАТЕВАЦИ**

2.1. Толкования трудов Аристакаеса и Георга Скевраци 29
2.2. Общетеоретические вопросы 39
2.3. Замечания относительно письменных знаков, кинесических знаков, фонетики 51
2.4. Замечания по морфологии 60
2.5. Замечания по синтаксису 71
2.6. Вопросы стилистики 74

**ГЛАВА ТРЕТЬЯ
СЛОВОТВОЛКОВАНИЯ И ЭТИМОЛОГИИ В
ТРУДАХ ГРИГОРА ТАТЕВАЦИ**

3.1. Словотолкования 87
3.2. Вопросы этимологии 107
Заключение 114

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

На армянском языке 117
На русском языке 124

ГРИГОРЯН СУСАННА МАКАРОВНА

**ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ В ТРУДАХ
ГРИГОРА ТАТЕВАЦИ**

Компьютерная верстка – Эмма Мелкумян
Технический редактор – Армен Григорян

Изд. заказ N 725
Сдано в производство 05.10. 2016 г.
Формат 60x84¹/₁₆. 8 печ. листов.
Тираж 400 экз.

Типография Издательства “Гитутюн” НАН РА,
Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24